

Дети Капища

Автор:

Ян Валетов

Дети Капища

Ян Михайлович Валетов

Ничья земля #2

Когда-то они были ударным отрядом советской империи... Теперь те, кто остался в живых – наемники, изгои или сотрудники спецслужб. Кто-то из них работает на гетмана Конфедерации Стецкива, кто-то на Императора всея Руси Александра Александровича Крутова, а кто-то и сам на себя. Мирная жизнь для них – несбыточная мечта. Официально их не существует, но мировая шахматная доска по-прежнему содрогается от оперативных игр, которые они ведут...

Ян Валетов

Дети Капища

Глава 1

Говорят, что есть почти у каждого человека шестое чувство. Сергеев был в этом уверен.

Собственный опыт, как ни крути, значительно скорее станет критерием истины, чем самый что ни на есть живописно поданный чужой. И все потому, что он

выстрадан, выношен и синяки от этого самого опыта с собственного, горячо любимого организма не сходят годами, живо напоминая о промахах и сделанных глупостях.

Иногда опыт прийти не успеваешь. В некоторых, достаточно специфичных профессиях человек успевает умереть раньше, чем поумнеть. Впрочем, бывает, что и профессия ни при чем. Просто – не задалось, и все. Таких вот невезучих Сергеев на своем веку повидал немало.

Везение ли, провидение ли, обычная ли привычка к соблюдению предосторожности или то самое «предчувствие» – шестое чувство – заставило Михаила вернуться к двери, чтобы подставить под дверную ручку спинку стула, но это спасло ему и Блинову жизнь.

Когда ручка, чуть провернувшись, негромко клацнула по металлической трубке и опять вернулась в исходное положение, Сергеев застыл, не успев дойти до кровати, как первоклашка в детской игре «Замри!». Блинчик, с привязанными к растяжкам руками и ногами, спал беспокойным сном и похрапывал, как сытый поросенок, – снотворное подействовало. И Михаил, глядя на сопящего Блинова, в очередной раз вспомнил о Боге и интуиции.

Его болеутоляющая и снотворная пилюли все еще лежали в маленькой пластиковой рюмочке возле стакана с водой, стоящего на столике, и он подумал, что иногда смерть имеет очень безопасный вид. Две желатиновые капсулы – одна – убийца боли, вторая – убийца бессонницы. В этой ситуации несколько миллиграммов порошка, заключенных в них, были страшнее пули, выпущенной в упор.

Бесшумно и стремительно, как большой кот, по недоразумению вставший на задние лапы, Сергеев метнулся к двери и, прикинув к косяку, обратился в слух.

За дверью стояла тишина – все-таки коренастый и высокий были профессионалами, но они пришли сюда, чтобы действовать, а не выжидать. Тем более что в коридоре и на лестнице лежали трупы и времени на то, чтобы затаиться и нанести удар неожиданно, уже не было. Ни коренастый, ни высокий особых ошибок не допустили. Все шло, как шло – просто за спиной у каждого из действующих лиц стоял Его величество случай.

И только Сергееву он вовремя шепнул на ухо: «Берегись!»

Деваться из палаты было некуда.

Просторная, под двадцать пять квадратов, комната. Огромное, в полстены, окно и санузел, начисто лишенный окон. Душевая кабинка, унитаз, возле которого была привинчена к кафелю огромная никелированная ручка, биде, большая ванна и зеркальный шкафчик над умывальником. В ванной было все, но не было жизненно необходимого подземного хода. Из нее можно было только просочиться в канализацию. А из палаты – выпрыгнуть в окно. Обе возможности Сергеева не радовали.

За массивной (слава богу!) дверью зашептались. Потом кто-то снова тронул ручку. Раздалось металлическое полязгивание. Опять шепот.

Михаил, которого когда-то прилежно учили, как надо действовать в подобных ситуациях, прикинул, сколько времени у него осталось на раздумья, и внутренне похолодел. По всему выходило, что лимит уже исчерпан. Если бы дверь открывалась внутрь, а не наружу, концерт бы закончился еще минуту назад.

Ручка опять задвигалась.

«Куда? Куда деваться?»

Сергеев в десятый раз пробежал по комнате глазами.

«Ловушка, да и только! Ясно, что надо привлечь внимание. Разбить окно, например, – шуму будет на всю Феофанию. А самим после этого куда? Еще минута – и они разнесут дверь возле замка. Сколько их там? Двое? В два ствола ударят – войдут, как дети в школу. Проще некуда. Пушки у них с глушителями. Дверь, хоть и тяжелая, но деревянная. Покрошат на щепу. Нужно убежище. А его нет. Думай, Сергеев, думай! Не бывает безвыходных ситуаций, бывают хреновые мыслители!

Стул, две кровати, два столика, две тумбочки.

Хорошо бы привалить дверь шкафом, но он тут стенной, встроенный – не привалишь. Растяжки, на которых висят Блинчиковы конечности, красивы, но бесполезны. Ну и?... Что делать будем?»

Владимир Анатольевич басовито всхрапнул во сне и выразительно зачмокал губами. Сон, скорее всего, был приятный.

Несмотря на то что сердце у Сергеева отстукивало в ритме давно вышедшего из моды диско, сам он сохранял хладнокровие. Скорее, по привычке и по необходимости – страшно-то было по-настоящему. Не от ожидания неминуемой смерти – еще поборемся, если войдут. На коленях умирать никто не собирается! Страшно было от другого... От бессилия. Именно от него страшно сильным людям.

Кровати, на которых они лежали, были массивными, прочными сооружениями на...

«На колесах! На колесах!»

Сергеев невольно расплылся в улыбке и сразу стал похож на расшаркавшегося Чеширского Кота – больно уж широкая, не по ситуации, получилась улыбочка.

Он попытался нагнуться, но в результате тут же рухнул на колени. В повязке, стягивавшей ребра потуже корсета, особо не понагибаешься.

Колеса фиксировались защелками. Зная их расположение, можно было бы и не наклоняться – защелка легко откидывалась ногой, как тормоз на детской коляске. За несколько секунд Михаил высвободил фиксаторы и покатил кровать Блинова в ванную. Господин депутат безмятежно посапывал, и Сергеев подумал, что Блинчика таким нехитрым способом можно было довести и до Москвы – лишь бы за плечи не трясли.

Размеры умывальной позволяли даже развернуться, что Михаил и сделал, установив кровать параллельно стальной ванне, обложенной дорогой кафельной плиткой. Он тут же вернулся в палату и, клацнув фиксаторами, поволок в умывальную собственную кровать. Хоть вес был небольшим, не успевшие поджечь мышцы и сухожилия запротестовали с новой силой. Он уже вволакивал свою ношу в ванную, протискиваясь в дверной проем, когда снаружи застрочили

автоматы. Деревянная крошка брызнула вовнутрь, как опилки, летящие от работающей циркулярной пилы. Пули зазвенели о батарею отопления и вдребезги разнесли огромное оконное стекло, что Сергеев примерялся и сам сделать через пару секунд. Осколки блестящим водопадом рухнули вниз, вдоль стены здания, накрыв несколько машин дежурных врачей. Получилось, на взгляд Сергеева, так даже очень удачно – внизу истошно заорали автомобильные «сигналки» и почти сразу зазвучали встревоженные выкрики бойцов службы внешней охраны.

Но помочь это Сергееву не могло. Времени на то, чтобы добежать снизу до их палаты, у охраны не было – одна из пуль угодила в «цугалик» замка, и он вылетел прочь, как пробка из-под шампанского. В тот момент, когда сломалась защелка, Сергеев, хрустя суставами, приподнял один край кровати над головой, насколько мог высоко, и босой ногой, сам удивившись тому, как это у него легко, по-обезьяньи, вышло, захлопнул дверь ванной. И тут же выскочил из-под тяжеленного груза, с грохотом обрушив его на кафельный пол.

– Ты чего, Умка! – прошипел было со сна очнувшийся Блинов и тут же онемел окончательно, увидев белое лицо Сергеева и прилипшую к нему крепче, чем жевательная резинка к брюкам, страшноватую улыбку.

Две кровати, поставленные буквой «Т», поперечина которой упиралась в ванну, а ножка одной стороной в дверь, а второй – в другую кровать, образовали неплохую баррикаду: приоткрыть дверь еще можно, а вот войти было проблемой, решить которую быстро не получилось бы и у Терминатора.

Войти-то было тяжело, но вот стрелять через двери в ванную было легче, чем через входные. Они были более легкими, благо еще, что не филенчатыми – филенка вылетела бы от первого выстрела, и Блинов с Сергеевым оказались бы в роли жестяных зайчиков в тире ДОСААФ.

Блинчик смотрел на Сергеева ошалело, как смотрит на хозяина упавший в воду домашний кот. Он не соображал, что именно произошло, но понимал, что случилось что-то очень плохое. Если бы не седативный эффект от выпитых лекарств, то крику, пожалуй, было бы – хоть уши затыкай!

За дверью затопали.

Сергеев ухватил Блинова за пижаму со сноровкой дзюдоиста, выдернул его из сбруи и вместе с ним рухнул в ванную, накрывая Владимира Анатольевича телом. Гипсовые повязки Блинчика грянули об эмалированный металл, и он заорал, как раненый лось. Было действительно больно, и Сергеев догадывался насколько. Но церемониться не приходилось.

Десятки пуль прошили двери, рикошетируя по умывальной, дробя кафель и пробивая трубы. Со звуком, похожим на щелчок циркового кнута, разлетелся, разбрасывая осколки, унитаз, лопнуло биде. Ударили струи воды, за клубился пар. Рассыпался на мелкие стеклянные брызги, потеряв на лету дверцы, зеркальный умывальный шкафчик.

От прямых попаданий ванна гудела, как колокол. Блинов, придавленный Сергеевым ко дну, ворочаться перестал: только тряс головой, словно извозчик мерин.

Вызывающе громко залязгали сменяемые убийцами магазины – хотя к этому моменту нагревшиеся глушители уже не полностью скрадывали звук выстрелов, шелест ходящего вдоль затворной рамы затвора был слышнее, чем выхлоп от стрельбы.

Кто-то тяжело, всем телом ударил в дверь – баррикада заскрежетала, но выдержала. Еще удар – опять безрезультатный, и на умывальную комнату снова обрушился свинцовый шквал.

Сергеев представил себе, как сейчас несется по коридорам охрана, в большинстве своем безоружная (разве можно снаряженный кусками резины «газовик» считать оружием?), и мысленно ее пожалел. Летели ребята на шум, как бабочки на горящую лампу, и ждал их плотный огонь двух профессионалов – хорошо вооруженных, безжалостных и обозленных неудачей.

В дверь опять ударили, на этот раз ногой – простреленное в доброй сотне мест полотно лопнуло, но не развалилось.

Блинов замычал и задергался. Ванна начала заполняться водой, брызжащей из разбитых труб, и партийный лидер рисковал утонуть на глубине не более пары сантиметров. Приподниматься Сергееву вовсе не улыбалось – ранение в задницу было бы не только унижительным, но и мучительным. Это только в кино смешно,

а на самом деле Михаил знал нескольких парней, которые чуть на тот свет не отправились после ранения в столь пикантное место. А один из них так и остался инвалидом. Но ванна была тесная и мелкая для двоих, учитывая, что габаритами Блинов уж никак не походил на приму-балерину и сам Сергеев не был цветочным эльфом, то ворочаться в ней было занятием небезопасным. Блинов булькал и плевался водой, как закипающий чайник.

Мысленно призвав на помощь фортуна, Сергеев извернулся, для чего таки пришлось приподнять зад над краем ванны, и, ухватив Блинова не столько за остатки волос на черепе, сколько за жирную складку на затылке, приподнял физиономию надежды национал-демократии над водой. С физиономии Блинчика струями текло, он косил глаз на Сергеева, напоминая выражением лица испуганную лошадь.

За дверью заматерились. Опять затрещал автомат.

– Стоять! – закричал кто-то истошно. Зачихал, забухтел, изрыгая свинец, окончательно испорченный глушитель. Тяжело рухнуло тело. Хлестко ударили пистолетные выстрелы. Стон. Опять выстрел. Короткий вскрик, перешедший в хрипение. Сухо, уже без «глушака», затрещал пистолет-пулемет. Кто-то, топя, побежал по коридору.

Внизу, под стенами здания, взвыли сирены: какой-то из многочисленных киевских спецотрядов с пернатым именем летел на выручку. Шума за дверями больше не было. Только в коридоре кто-то плакал. По-детски плакал, жалобно, с подвываниями и всхлипами.

Михаил осторожно поднял голову. Видно вокруг было неважно. В воздухе висела густая взвесь пара и пыли. По всей комнате хлестали струи горячей и холодной воды. Одежда и на нем, и на Блинчике была насквозь мокрая.

– Кажется, все, Вова, – сказал Сергеев и не узнал своего голоса. Звуки из пересохшего горла выходили с трудом. Пить хотелось страшно. – Я встану и осмотрюсь. Ты лежи пока.

– Умка, – сказал Блинов, выворачивая шею на какой-то немыслимый угол, чтобы рассмотреть Сергеева. – Умка, ты же меня опять спас! Я же теперь твой должник по гроб жизни! Ты же мне брат теперь, Умка!

– Лежи уж, брат, – усмехнулся Сергеев, выползая из ванны и стараясь не сильно топтать коленями и так основательно измятого Блинова. – Хорошо хоть не «брателло» назвал. С тебя станется.

– Я тебе должен, Сергеев, – затараторил Владимир Анатольевич.

Похоже, начинался «отходняк»: с истерикой и обильным словоизвержением, как в классических случаях, описанных в учебниках по психологии. Было бы сейчас время «колоть» Блинова – лопнул бы он, как подопревший грецкий орех, с легким хрустом, и выложил бы все, о чем спрашивали. Мужик он сильный. Состояние недержания речи у него долго не продлится – сработает подкорка, и все: закрылась раковинка, сбежал рачок.

– Я тебе по жизни должен. Это же счастье, что я тебя встретил, Сергеев! Мое счастье!

Блинчик попытался перевернуться и сесть, но ничего не вышло – он вошел в ванну туго, как пробка в бутылочное горлышко, – без штопора не вытащишь. В другое время зрелище могло показаться комичным, но сейчас Михаила на смех не тянуло.

Осторожно ступая босыми ногами по скользкому, усеянному осколками стекла и фаянса полу, Сергеев приблизился к двери, выглядевшей, как дуршлаг. Где-то далеко в здании еще хлопали выстрелы. Раненый в коридоре продолжал выть. В плохо освещенной палате движения не просматривалось, но поручиться за то, что из темноты по ним не ударит очередь, Сергеев не мог. А, значит, Владимир Анатольевич, щебечущий, как половозрелая канарейка, должен был пока оставаться в своем металлическом ложе. Вот только переложить его следовало поудобнее – захлебнется скоро, а воду перекрыть негде.

– Потерпи, Вова, – попросил Сергеев и приготовился рывком перевернуть Блинчика, но, к удивлению, сил особых прикладывать не пришлось. Воды набралось столько, что слегка приподнятый вверх Блинов, всплыл на поверхность, как кусок пробки, и так же легко перевернулся. Затянутые в гипс конечности сразу же затонули снова, отчего Блинов принял достаточно нелепую и смешную позу, в которой застыл, преданно глядя на Сергеева снизу вверх. Ну вылитый бульдог в ожидании кусочка сырой печенки!

Такое состояние Михаилу было знакомо. После полной нервной отдачи начинался «расслабон», чем-то напоминающий то состояние, которое наступает после ста граммов спирта, выпитых в тяжелом похмелье, когда к черно-белой, нечеткой картинке внезапно возвращается цвет. Ощущение чудом сохранённой жизни пьянило лучше любой выпивки. Сладостное понимание того, что на этот раз, да, миновало, ты дышишь, ты осязаешь мир, наполняло такой радостью, что эмоции было невозможно удержать под контролем.

Вода, в которой они бултыхались, была холодной. Если бы в ванну хлестало горячей водой, им бы точно не поздоровилось: по трубам тек почти кипяток. У Феофании была своя котельная, и газа там не жалели.

– Ты двери не открывай, – зашептал Блинов, суетливо хватая Сергеева за руки. – Пусть кто-то из наших приедет! Не открывай, Умка! Вдруг они еще там?!

– Никого там нет, – сказал Сергеев. – Ушли. Только раненый кричит. Слышишь, Блинчик?

Блинов закивал быстро, как китайский болванчик.

– Слышу. Не открывай. Я никому не верю. Пусть наши приедут. Васильевич пусть приедет.

– Как я тебе их позову? – отозвался Михаил с раздражением. – По батарее? Мобилки в палате остались. Что нам с тобой тут до утра сидеть?

– Они приедут, – произнес Владимир Анатольевич с глубокой убежденностью в голосе. – Вот увидишь. Обязательно приедут. Они узнают, им позвонят.

Внезапно он начал мелко трястись всем телом, залязгал зубами – звонко, как кастаньетами. «Отходняк» продолжался. Господин Блинов начинал приходить в себя.

Сидеть в разгромленном санузле и дальше было словно прятать голову под крыло. Еще через пять минут Блинчик будет соображать нормально и его можно перенести в палату. К тому же Сергеев был уверен, что те, кто в них стрелял, давно покинули здание. Если смогли, конечно. Стрельба внизу была серьезная.

– Не бойся, Вова, – повторил он и принялся оттаскивать от изрешеченных дверей импровизированную баррикаду.

Воды на полу было почти по щиколотку.

В палате было темно – только из коридора в настежь открытую дверь лился мутный свет ламп накаливания. Пахло порохом, в воздухе висел сизый дымок. Сергеев осторожно шагнул из умывальной, с опаской ступая босыми ступнями по хлюпающему ковролину.

Поперек дверного проема, облокотясь о косяк, полулежал мужчина. Рассмотреть его в контражуре Михаил не мог, но именно его стоны они и слышали. Вокруг него растекалась лужа, казавшаяся черной в тени и становившаяся темно-красной, выползая в коридор. Мужчина все время пытался приподняться, подтягивая к животу ногу, но потом опять ее распрямлял, словно полураздавленный кузнечик.

Второе тело, неподвижно лежащее под стеной, Михаил заметил не сразу. Больше в палате никого не было. Медленно, с опаской продвигаясь к выходу, Сергеев наступил на гильзу и зашипел от боли. Гильзы были повсюду, казалось, ими засыпан весь пол в комнате и коридоре. Нападавшие патронов не жалели.

Сергеев наклонился к раненому, перекрывавшему телом проем, – на нем был «камуфляж» с нашивкой «охрана» на левой стороне груди. Несколько пуль угодили в живот – сколько, Сергеев понять не мог, все было залито кровью, а одна, попавшая в бедро, перебила кость и, скорее всего, артерию. Он поднял на Михаила взгляд, совершенно бессмысленный, пустой – жизнь уже покидала тело, застонал утробно, не открывая рта, и умер.

Сергеев много раз видел смерть. Смерть разную: и бессмысленную, и героическую, и случайную. И свыкся с мыслью, что смерть, в любом из ее ликов, столь же естественна, как жизнь.

– Это две стороны одной медали, – говорил Кудрявый, – как орел и решка. Монета взлетает, падает, и в результате выпадет или одно, или другое. Шансы равны. Точно известно – не будет «рубо». Так чего волноваться?

Говорил он это перед выходом из Новороссийска, за четыре дня до того, как сгорел заживо. И было ему всего двадцать девять лет от роду.

Уходя в отставку, Михаил надеялся, что его жизнь изменится навсегда. Что не будет в ней более ничего такого, что холодными зимними вечерами будит не самые приятные воспоминания. Пройдет несколько лет, и из глубин памяти перестанут всплывать лица тех, кто давно ушел из этого мира. По его, Сергеева, вине или к его же сожалению, но ушли. Он всерьез рассчитывал на это. Но...

Человек только предполагает... Вот, оказывается, как много может изменить одна случайная встреча. Или неслучайная? Скорее всего, начало положил случай. А вот дальше...

Слишком уж хватким, дальновидным и жестким политиком был Блинчик. И как искусно под маской обычной дружбы скрывалась заинтересованность. Если бы не та фраза Рашида! Но из песни слов не выбросишь. Да и все, что произошло далее, вплоть до настоящего момента, ложилось в пробитое словами Раша русло как нельзя лучше. В конце концов, разве не случалось в жизни так, что оброненная в произвольный момент времени монета, лопнувший шнурок, раздавшийся телефонный звонок сдвигал с места целую цепь глубинно связанных событий, цепляющихся друг за друга с неожиданным упорством? Разве не было так, что непроизвольно брошенный взгляд, какой-то жест, слово, произнесенное невзначай, запускали таинственный механизм, вызывающий к жизни множество совершенно необъяснимых с точки зрения банальной логики событий, поступков самых разных людей?

Все это пахло мистикой, но Михаил твердо знал, что мистики в этом не было ни на грош. Миром правила случайность. Ее можно было назвать вероятностью наступления событий, жребием, судьбой, законами больших чисел – все было бы одинаково правильным, но не было бы правдой. Правды не знал никто.

Сергеев никогда не верил в чудеса и знал, что за маской провидения слишком часто скрывается чей-то жесткий расчет. Очень это удобное место для того, чтобы спрятать плохие намерения. Одно дело – склонить голову под ударом судьбы, и совершенно другое – подчиниться злой воле человека. То, что происходило с ним, после встречи с Рашидом не казалось случайностью. Случайностью было то, что в круговороте событий последних дней он не только остался в живых сам (на что учили, в конце-то концов!), но и выволок Блинчика –

личность во всех смыслах, конечно, таинственную, но смертную, как и все.

За последние несколько дней вокруг них с Блиновым умерло столько людей, что Михаилу показалось, что он участвует в небольшом военном конфликте.

Но войны не было. За окнами дремал мирный столичный город. Не Нью-Йорк какой-нибудь, со своим Гарлемом, не Чикаго и не дымный Детройт. Был за окнами город Киев, мирный и слегка провинциальный, и весна года 1999 от Рождества Христова. Весна, которую он мог и не пережить, по каким-то важным для Блинова и совершенно непонятым для него, Сергеева, причинам.

«Ты мне все расскажешь, господин Блинов, – подумал Сергеев, ощущая, что в нем закипает злость. – Хорош же столп новой государственности, если за одно нахождение рядом с ним ты можешь отправиться к праотцам. Вот очухаешься, таинственный ты мой, и сразу все мне расскажешь. Не захочешь – уйду к ядерной фене, пусть тебя достреливают, будешь жалеть об этом всю жизнь – сколько там ее у тебя останется? А, судя по тому, как за тебя взялись, то жалеть тебе придется недолго. От силы – сутки».

Он осторожно перешагнул через замершее тело, стараясь не наступить в густую красную лужу, и выглянул в коридор – пустой и ярко освещенный.

Длинный и широкий проход, застеленный сбившейся ковровой дорожкой, был затянут пороховым дымком, как вуалью.

Еще тело. И еще.

Гильзы – россыпью, по всему коридору. На стене размашистый мазок красным, с брызгами и двумя нечеткими отпечатками ладоней, похожими на следы раздавленных насекомых.

Дальше Сергеев не пошел. Не то чтобы побоялся, нет! По его разумению, бояться уже было некого. С минуты на минуту на этаж влетят спецназовцы и за ними Васильевич. Или, если шеф безопасности у Титаренко правильный, то сначала Васильевич, а уж потом спецназ. Начнется обычное в таких случаях черт-те что – обмеры, замеры, фото, допросы. Метушня вся эта ментовская, поганая до крайности и необходимая, если разобраться.

«Проблема в том, – подумал Сергеев, возвращаясь в ванную комнату, – что и разбираться никто особо не будет. Есть у меня подозрение, что все, ну буквально все, кроме меня, убийцу знают. Или, по крайней мере, представляют себе, откуда у этой истории ноги растут. Один только я, как Рыцарь Печального Образа, размышляю над странной сущностью ветряных мельниц и плюс ко всему рискую получить в организм несколько граммов свинца. Вопрос один – на кой я это делаю? И вопрос два – почему мне до сих пор никто и ничего не объяснил?»

Блинчик уже полусидел-полулежал в ванне, крутя головой в нетерпении. Мужик он все-таки был крепкий – истерика прошла.

«Интересно, – подумал с ехидцей Сергеев, – какую роль в этом сыграла холодная вода?»

– Ну? – спросил Владимир Анатольевич с любопытством. – Что там?

Михаил зажег свет, сначала в гостиной, а потом и в ванной. Надежда на то, чтобы сделать звонки с мобильных испарилась, как только Сергеев увидел, во что пули превратили небольшой столик, на котором они лежали. Вот зарядные сохранились в целости и сохранности, но с зарядного, к сожалению, не позвонишь. У дверей в умывальную одиноко лежала батарейка от его «Нокия». Остальных частей не было видно.

– Ну? – повторил Блинов с нетерпением.

Сергеев промолчал и, поискав в разгромленной палате свои любимые домашние тапки, принесенные заботливой Плотниковой, вытрусил из них воду и обломки чего-то пластмассового, надел на мокрые ноги.

– Что там, Миша? – сказал Блинчик, которому от молчания Сергеева явно стало неуютно. – Есть там кто-нибудь? Что ты молчишь? Никого?

– Ну почему никого? – произнес Сергеев спокойно.

Где-то внизу, на лестнице, застучали сапоги. Помощь спешила со всех ног. Клацнул, включившись, вызванный лифт. На вопросы у Сергеева оставалось едва ли не пара минут. И то, если спецназовцы не рванут по коридору, как стадо

буйволов от лесного пожара, а проявят разумную осторожность.

– Есть там кое-кто, – продолжил он, не повышая голоса. – Только уже мертвый. Охрана твоя. Сидорчука ребята, то есть Васильевича, которого ты так ждешь. Все лежат. Больничных положили. Видишь ли, Вова, есть у меня подозрение, что ты ввязался в игру, из которой выход только один – в хорошем костюме и дорогом полированном гробу. То, что ты в эту игру играешь, – дело твое. Как говорил один мой друг, которого ты не знал и, на твое и его счастье, уже не узнаешь: «Ты такой умный, что нам с удовольствием будет тебя не хватать!» Но, ответь: что здесь делаю я? Спасая? Кого? И от чего? Видишь, сколько вопросов? Блинов, я готов сделать очень много ради старой дружбы, но все-таки умереть за тебя – это перебор. Я не готов пасть смертью храбрых только потому, что мы с тобой когда-то, очень много лет назад, спали на соседних кроватях и ходили вместе пописать, когда приспичит.

– Что ты хочешь узнать, Миша?

– От тебя? Ровным счетом ничего. Я все-таки рисковал ради старого друга. Зачем ставить его в неудобное положение? Но теперь я хочу уйти. Просто уйти. Пока этот шум на лестнице не стал громче. И со мной не случилось что-нибудь еще. Я имею в виду что-нибудь фатальное.

Блинов изменился в лице. Свет от единственной уцелевшей в ванной лампы падал на него сверху, отражался от воды и бросал блики на клубящийся пар, придавая мизансцене демонический оттенок, чего, собственно говоря, Сергею и надо было. Шум и топот, несущийся снизу, Владимир Анатольевич слышать не мог – мешала хлещущая из пробитых труб вода. Но ситуация была такой, что в слова Сергея он поверил сразу и безоговорочно. Да Сергей и не стал бы врать – снизу действительно бежали. Только вот кто?

Блинчик понял все, как было надо Сергею, – может быть, сказался перенесенный только что испуг, а может быть, умение Сергея «подать» информацию, но по лицу лидера национал-демократов стало видно, что он помертвел.

– А когда я уйду, – Сергей тщательно выговаривал, словно бросая их в Блинова, – и ты останешься один на один с теми, кто сюда ворвется, подумай, пожалуйста, о том, что я предлагал тебе объясниться, а ты почему-то предпочел

разыграть меня втемную.

– Я не разыгрывал тебя втемную, Умка, – быстро произнес Блинов дрожащим, срывающимся голосом. – Я тебя не разыгрывал, у меня этого и в мыслях не было!

– Да? – спросил Сергеев, иронично приподняв бровь. – Seriously?

– Я не шучу.

– Чем в действительности занимается Раш?

– Умка, – сказал Блинов испуганно, – ну при чем тут Раш? Что ты мешаешь праведное с грешным?

– Я пошел, – сказал Сергеев. – Надоело. С тобой, как с человеком, а ты... Жопа ты, Блинов! Был ею и ею умрешь!

Увидев, что Сергеев начал поворачиваться к нему спиной, чтобы уйти, Блинов рванул из ванны, как волк из капкана. Вода плеснула во все стороны, словно упитанного депутата уронили с высоты нескольких метров.

– Умка! – заорал Блинов. – Не уходи! Меня же пристрелят как собаку! Я тебя прошу!

– Раш? – сказал Сергеев через плечо.

– Блядь, – сказал Блинов в сердцах. – Оружие. Оружие – основной бизнес Раша. Ну что, полегчало?

– Ага. Куда?

– Что куда?

– Оружие – куда?

– Хер его знает, Умка! Я-то тут при чем?

- Мне таки уйти?

- Нет. Я точно не знаю, Миша.

- Скажи неточно.

- В Азербайджан, это я знаю.

- Ну, это только ленивый не знает. Еще?

Сергеев прислушался. Шаги звучали пролета на два ниже. Лифты уже стояли в вестибюле на этаже, но шагов тех, кто должен был из них уже выйти, не было слышно. Значит, увидели тела и выжидают.

- Говорят, что талибам. И чеченцам. Ливия. Палестина. Но это говорят. Я не знаю.

- На кого паспорт конечного покупателя?

- Я его не оформлял.

- Ты тянешь время.

- Миша, я решаю вопросы - это правда. Но я не занимаюсь бумагами.

(«Не более минуты, - подумал Сергеев, - ну две. Давай, колись, партийный лидер, как большевик в царских застенках! Времени нет!»)

- Зачем я Рашу? Только не плети, что просто хотел увидеть.

- Он действительно тебя хотел увидеть. Но...

- Живее, - сказал Сергеев как можно более равнодушно. - Я слышу шаги в холле.

И показал Блинову подобранный в коридоре пистолет.

Блинчик от страха уже плохо соображал. Глаза его не бегали – они метались, как испуганные тараканы по широкому, лунообразному лицу господина депутата.

– У него к тебе деловое предложение, – невнятно заскулил он, дрожа подбородком. – Умка, он же наш старый товарищ!

– Хасан?

– Он посредник. На Ближнем Востоке посредник. Он каждый раз сюда прилетает. Раш его называет Нукер. Без его команды не платят.

– Ладно. Потом поговорим. Почему в нас стреляют?

– Это недоразумение! – выпалил Владимир Анатольевич. Чувствовалось, что вопрос он ждал, а вот решить четко, что будет врать, не успел.

– Я пошел, – сказал Сергеев грустно и, повернувшись, исчез за дверью, разом выпав из поля зрения Блинова.

– Сергеев! – заорал Блинов так, что Михаил представил, как влетевшие в вестибюль с лестницы спецназовцы от этого вопля замерли, как мыши в амбаре. – Не уходи! Раш дал больше, и мы сорвали сделку. Крупную сделку! Он дал больше в два раза! Это было не мое решение, понимаешь! Но крайний теперь – я! Я договаривался. Зачем ты в это лезешь? Тебе за одно это знание здесь голову отобьют, к ебеней маме! Я и так между двух огней, так еще и ты, козел любопытный.

– Кто был посредник при сорвавшейся сделке?

– Умка!

– Кто?

– Наши были, – сказал Блинов севшим голосом, – Базилевич. Кузьменко. Бывшие наши. Доволен? Дурак ты, Умка! Честное слово – дурак.

– Руки подними, – попросил Сергеев, отшвыривая пистолет на другой конец палаты, и сам поднял руки вверх.

– Ты что делаешь? – успел изумиться Блинчик, но в комнату уже лезли спецназовцы и среди них Васильевич, на этот раз с лицом насмерть перепуганного Дональда Дака, в криво застегнутом костюме и совершенно неимпозантный.

В глазах Блинова, которого brave ребяташки в несколько рук тащили из ванны, мелькнуло понимание и, тут Сергеев, конечно, мог ошибиться, даже восхищение. Михаил был готов поклясться: Владимир Анатольевич понял трюк и оценил его. Блинчик, не отрываясь, смотрел на Сергеева, пока его самого, мокрого и растерзанного, укладывали на носилки неведомо откуда материализовавшиеся санитары, и даже умудрился помахать здоровой рукой на прощание.

– Состоялся вынос тела, – сказал вполголоса подошедший Васильевич. – После непродолжительной гражданской панихиды...

– Мрачно шутишь, – заметил Михаил, провожая взглядом носилки. – Не любишь, что ли, Блинова?

– А чего его любить – не девушка ведь? – Васильевич пожал плечами. – Курить будешь?

Михаил кивнул.

– Как я понял, – сказал шеф безопасности, щелкая зажигалкой, – опять ты его спас?

Сергеев не ответил. Сигареты были крепкими. Он выпустил в воздух струйку сизого плотного дыма.

– Значит, ты, – констатировал Васильевич, тоже закуривая. – Второй раз за пять дней. Меня уволить надо. Тебя взять.

– Ты-то тут при чем? Какой с тебя спрос?

- Ты - понимаешь. Они - не понимают. Мне было поручено. Я обосрался.

- Ну, положим, тут бы любой обосрался, - возразил Сергеев. - Много они наколотили по дороге?

- До хера. Мои все готовы. Только один пока жив, но будет ли жить дальше - одному Богу известно. Сколько их было?

- Я не видел. Но, судя по всему, двое.

- Значит, одного только упустили. Зер гут. Видел я покойничка внизу. Долговязый такой, в омовке.

- А второй? - спросил Сергеев.

- Ушел. И ловко так ушел, сучий потрох, что охнуть не успели. Просто ниндзя!

Он окинул взглядом помещение и наморщил кончик своего утиного носа.

- И ты тоже ловок. В ванне отсиделись?

Михаил кивнул.

- Но если бы не твои ребята, которые на шум прибежали, могли вас и не дожждаться.

- Ты себя особо не вини, - сказал Васильевич сухо, - работа у них такая - за других умирать. Но за сочувствие - спасибо.

К Сергееву подскочил врач и санитары с носилками.

- Не смейте курить, - этот моложавый доктор в белоснежном халате и насквозь промокших туфлях был действительно возмущен. - Это же больница!

- Придется бросить, - сказал Сергеев и кинул окурок в плещущую под ногами воду. Сигарета зашипела и погасла.

– Ложитесь! – приказал врач неприязненным голосом.

Сергеев подчинился.

– Тебя как звать? – спросил он от дверей. – А то все Васильевич, да Васильевич, как сторожа на ферме. Имя-то у тебя есть?

– Валера, – сказал Дональд Дак, тоже кидая окурок под ноги. – Валерий Васильевич, ежели совсем официально. Но ты можешь и без условностей. Я уж потерплю.

– Зер гут, – сказал Сергеев, усмехнувшись, и Васильевич невольно улыбнулся ему в ответ. – Я и сам не люблю условностей.

Глава 2

Заставу они просто обошли. Ярко горящие костры были видны еще за пятьсот метров, – темно, холодно, сыро и страшно – вот народ и грелся. Натолкнуться на пикеты с такой организацией системы патрулирования мог только слепоглухонемой диверсант. Сергеев подумал, что с удовольствием бы вышел к часовым, побеседовал бы и заночевал в одном из жилых, правда, условно жилых, домов в нагорной части города. И заглянул бы к Красавицкому. Надо было подумать и прикинуть по времени – смогут ли они успеть на встречу с Али-Бабой.

Тут, в бывшем Днепропетровске, колония была невелика. В последний раз, когда Сергеев попал сюда, в ней едва насчитывалось триста человек. Численность населения была величиной непостоянной. Сергеев помнил случаи, когда за одну зиму или за один набег какой-нибудь банды такие поселения запросто исчезали с лица земли.

Здесьняя колония была известна на всю Зону совместного влияния и называлась «Госпиталь».

Собственно говоря, она и образовалась вокруг Госпиталя – единственного места оказания квалифицированной медицинской помощи на триста километров в округе. Он был организован в дни потопа выжившими в количестве трех штук врачами, одной профессиональной медсестрой и разбившимся здесь же самолетом медицинской авиации, из которого вытащили и передвижную операционную, и лекарства, и многое-многое другое, без чего спасать людей в условиях катастрофы было бы невозможно.

Сюда и сам Сергеев, и те, кто старался хоть как-то помочь людям в Ничьей Земле, по сию пору свозили лекарства: кто новые, доставленные контрабандой, кто найденные на складах, с давно вышедшим сроком годности, но остававшиеся условно эффективными. Особенно когда выбирать было не из чего.

Два года назад, после вспышки желудочных инфекций, население колонии выросло почти в два раза. У Красавицкого были нужные лекарства, и те, кто не умер по пути в Госпиталь от кровавого поноса, остались здесь зимовать, да так и прижились.

Город когда-то был большим, с едой проблем не было – военные склады, супермаркеты, базы могли дать пропитание и большему количеству людей на пятнадцать-двадцать лет. Те, кто посмелее, помимо мародерства в развалинах промышляли еще и охотой. Но тут, кроме риска не выйти из леса, существовал еще и риск забрести на зараженные территории или застрелить дичь, которая там попаслась. Такой дичи в окрестностях Днепра, там, где заражение химикатами и радиоактивными материалами оставалось наибольшим, было несчетное количество.

А спустя год после демографического взрыва, то есть прошлой осенью, колония наполовину опустела – виной тому стала колодезная вода, в которую попали ядовитые химикаты из почвы. Откуда они взялись в глубокой артезианской скважине – не знал никто, но за одну ночь умерло полторы сотни людей – все, кто набрал из скважины воду вечером. Сергеев как раз пришел в Госпиталь с грузом антибиотиков, антисептиков и перевязочных материалов и угодил аккурат на похороны.

Красавицкий рыдал, как ребенок, но самолично организовывал работы по захоронению – осень была теплая, и медлить было нельзя.

Тимуру Красавицкому – отчество у него было татарское, совершенно не выговариваемое – перед потопом едва исполнилось сорок. Был он человек небедный – все-таки своя клиника в полуторамиллионном городе что-нибудь да значит. Жена, трое детей, стабильный бизнес, выездные операции по всей стране, консультации, участие в международных симпозиумах...

Все закончилось в один день. История была чем-то похожа на историю Михаила. Отъезд ненадолго, который оказался отъездом навсегда. Разрушенный, просевший от чудовищного удара воды дом в пригороде. Трупы жены и детей, законсервированные в слое радиоактивного тестообразного ила, – зеленые, раздутые куклы, вросшие в ссохшуюся от жары, омерзительно воняющую химией корку, похожую на скисший творог.

Торопливое прощание, чавкающая под лопатой земля, покрытая тонкой пленкой высыхающей под солнцем плотной слизи. Высыхая, она шла трещинами и светлела, отчего комья могильной земли становились похожи на надкушенные пирожные-безе.

И запах...

Как хорошо Сергеев помнил запах тех дней! При одной мысли о нем, при первом же воспоминании – он заполнял ноздри и ложился тяжелым сладким налетом на язык.

Михаил знал, что Тимур Красавицкий тоже этого никогда не забудет. Погрузневший, седогривый доктор ничего не хотел забывать. Именно поэтому в Зоне совместного влияния и появился Госпиталь – колония и больница одновременно, место, где не стреляли. Место, куда каждый – бандит, мародер, солдат или просто житель Ничьей Земли – мог обратиться за помощью. Это было правило, и, как повелось, за нарушение правила нейтралитета Тимур карал недрогнувшей рукой, с такой жестокостью расправляясь с преступившими закон, что даже слух об этом вызывал дрожь у видавших виды обитателей Зоны.

Мир на территории Госпиталя должен был соблюдаться любой ценой. Любой. И это много говорило об организаторе и хозяине Госпиталя.

С самых первых дней рядом с ним были чудом спасшийся соученик Красавицкого, известный на всю Ничью Землю костоправ и матерщинник Эдик

Гринберг и терапевт из Краснодара, приехавший к родственникам погостить на несколько дней, да так и оставшийся в Зоне, – увалень и добряк Борис Головки. Бок о бок с Красавицким постоянно возвышалась могучая, как осадная башня, фигура Иры Говоровой – бывшей медсестры больницы скорой помощи. В спокойной беседе Ирина Константиновна более походила манерами не на операционную сестру, а на степенную, только сильно курящую гранд-даму. Зато в гневе становилась похожа по темпераменту и лексикону на портовую бесшабашную блядь, носящую в волосах стилет вместо шпильки.

В таком состоянии ее боялись все сотрудники и жители Госпиталя, и даже влюбленный в нее много лет Гринберг. Было ей сейчас лет под сорок, но крупные, выразительные черты лица, в зависимости от освещения, делали ее то старше, то моложе критического для женщины возраста. В сумерках ее внешность становилась настолько изменчивой, что даже наблюдательному человеку было бы сложно на глаз определить ее годы. Сама Ирина тему возраста в разговорах старательно обходила.

В гости зайти хотелось. Со стороны пикетов потянуло запахом жареного съестного. В свете кострищ мелькали тени, до гостеприимного тепла было пять минут ходьбы.

Михаила в Госпитале знали и любили и всегда принимали как самого желанного гостя. Дело было не только в том, что Сергеев в какой-то мере мог считаться сотрудником больницы, и лекарства, им привезенные контрабандой из России и Конфедерации, спасли немало жизней. С врачами госпиталя его связывала многолетняя крепкая дружба. Он не настолько устал, чтобы прервать путь, но достаточно, чтобы сделать незапланированную остановку. Сблaзн пожертвовать несколькими часами времени, но поспать, как человек, на постельном белье и в тепле, под одеялом, был велик. Поэтому, проскользнув мимо очередной заставы, они свернули в короткий, засыпанный обломками стен переулок и присели у стены, на свободном от битого кирпича участке, посоветоваться. Сергеев закурил, пряча огонек сигареты в кулак – на всякий пожарный.

– Ты как? – спросил он у Молчуна тихонько, но голос, отраженный уцелевшими бетонными стенами, прозвучал неожиданно громко и заскакал, словно детский мяч, брошенный в пустую, темную комнату.

– Ак, ак, ак... – повторило эхо и умолкло, словно темнота закрыла ему рот подушкой.

Молчун тоже достал сигарету, но курить не стал – принялся нюхать, водя ею под носом.

– Устал?

Молчун кивнул. Потом посмотрел на Сергеева и пожал плечами, делая неопределенный жест правой рукой.

Это означало:

– Да. Устал. Но если надо – пошли. Я готов.

– Не очень и надо, – сказал Михаил, затягиваясь. – На randevу мы успеем. Только надо выйти рано утром. Как рассветет. Еще через весь город пилить. Помнишь завод?

Молчун показал, что помнит. Сергеев и сам это знал – ранней осенью они ночевали почти двое суток в огромной коробке цеха с местами сохранившейся кровлей. Молчун слегка подвернул ногу, когда они поднимали сейф из затопленного хранилища, а Сергеев порвал гидрокостюм о торчащую, гнутую арматуру и оцарапал плечо. И в сейфе, как назло, ничего особого не оказалось – так, мелочевка. И костюм было жалко – до слез.

А идти дальше с такой ногой было бы неправильно, тем более что шли они тогда на север, к «Вампирам», на переправу – беспокойные места и соседство с Капищем сулили большие проблемы, особенно если путешествовать с хромым партнером. Вот и пришлось отсиживаться среди искореженного оборудования, которое было когда-то дорогушим прокатным станом, а сейчас представляло собой просто груды металлолома, согнанную в угол гигантской метлой потопа.

– Можем зайти к Тимуру. Поспим пару часов, обогреемся, а утром двинем дальше.

Молчун к Тимуру относился без настороженности, но и без особых симпатий. Он, вообще, испытывал симпатию только к одному человеку – Сергееву. Остальных он просто терпел, не выказывая ни положительных, ни отрицательных эмоций.

– Ну? Куда? Выбирай.

Молчун ткнул большим пальцем за спину в сторону Госпиталя и опять кивнул.

– Значит, на том и порешили, – сказал Михаил. – Дай только докурю, раз уж сидим.

Через десять минут их уже проводили к Тимуру.

Он еще не спал, а вот Головки спал, и Сергеев попросил его не будить. Руководство Госпиталя располагалось там же, где операционные и палаты, – в восстановленном здании, которое когда-то было больницей.

Каждый раз, попадая сюда, Сергеев недоумевал, как Тимуру и его соратникам удалось создать при полном хаосе настолько жизнеспособную систему. Труд и талант, вложенные в эти развалины, превратили их в островок цивилизации. И пусть тут не работал водопровод, пусть генераторы включались только в случае острой необходимости, во время срочных ночных операций, когда обойтись светильниками или факелами было невозможно. Пусть отопление было печным, а туалеты – обычными сортирами казарменного типа на несколько посадочных мест, но все это настолько напоминало прежнюю жизнь, что Сергееву хотелось себя ущипнуть и не проснуться.

Тимур встретил их у входа, в пуховике с капюшоном, наброшенном поверх фланелевой рубашки, в джинсах и тапочках. Домашний, пахнувший антисептиками и неуловимо постаревший со времени их недавней встречи.

Сергеев видел, что Красавицкий потихоньку сдает – сказывались и изнуряющий режим работы, и возраст, и нервное напряжение, в котором Тимур жил без отпусков и выходных, непрерывное, как сердцебиение.

– Могу предложить тебе и твоему Санчо Пансе ванну, – говорил он через плечо, ведя их по длинному больничному коридору, освещенному факелами,

воткнутыми в самодельные держатели. – Горячая вода, представляешь, Сергеев! Настоящая горячая вода! Тем более, господа хорошие, что, хоть амбре от вас и нет, выглядите вы не совсем стерильно.

Мадам Говорова, возникшая в одной из дверей, несмотря на нестерильность Сергеева и Молчуна, обняла их обоих, крепко прижав к могучей груди, затянутой в махровый халат.

В коридоре было достаточно тепло – печки-буржуйки, стоявшие по его концам, были раскалены до ровного красноватого свечения. За этим следил дежурный – рослый детина с коротким автоматом на плече, в легкой рубашке. На предплечье у него была белая с красным крестом повязка.

Детина явно смутился при появлении в коридоре такого количества людей. Дежурная сестричка – хрупкое создание в застиранном, но чистеньком белом халате и такой же белой ностальгической косынке – примостилась у стола со стоявшей на нем толстой свечой и читала книжку, а парень выхаживал вокруг гоголем.

– От ванны не откажемся, – сказал Сергеев, чувствуя свою «сбрую» и рюкзак с притороченной к нему кобурой неуместными в такой мирной обстановке. – Намерзлись мы и выпачкались. Слушайте, Тимур, Ириша, вы не слышали, кто тут у вас в округе бузит? Ничего такого не было?

Сергееву не показалось. Он был уверен, что Говорова и Красавицкий переглянулись.

– Значит, встретились? – скорее констатировал, чем спросил Тимур, открывая дверь в так называемую комнату для гостей. – Ну земля им пухом. Заходите, заходите – потом расскажу!

Вода в ванной уже нагревалась. Скорее всего, Красавицкий отдал распоряжение, когда шел их встречать, не дожидаясь согласия. Что может быть лучше для путника после зимней дороги, чем горячая ванна, горячий чай, горячая еда! Как настоящий хирург Тимур решил, что гостям надо начинать с горячей воды. Сергеев, который все еще нес в себе промозглый холод развалин, предпочел бы начать со второго или третьего пункта программы.

Сергеев подошел к длинным лавкам, стоящим вдоль стены, и, подавая пример, начал разоблачаться. Молчун устроился рядом.

– Так кого мы встретили, Тимур? – спросил Сергеев, стаскивая через голову свитер. – Что это были за «неуловимые мстители»?

Красавицкий чуть стушевался, на мгновение задумавшись: говорить, не говорить. Это размышление настолько четко нарисовалось на его чуть одутловатом, с глубокими складками вдоль крыльев носа лице, что Михаилу стало понятно, что умение врать, скрывать и выкручиваться никогда не было сильной стороной хозяина Госпиталя.

Резать и шить людскую плоть он умел. Организовать и повести за собой – тоже умел. Умел быть жестоким, когда надо. А вот в политику, дипломатию или разведку его бы не взяли. Не подходил по сути.

– Да видишь ли, Миша, – начал он нерешительно и с тоской и надеждой посмотрел на могучую спину Ирины, застывшей у заклеенного тонирующей пленкой окна. – Тут такое дело...

Он вздохнул. Посмотрел на неподвижную Говорову и опять вздохнул.

– Да, наши это, – сказала Говорова, не поворачивая головы. – Вернее, когда-то эти ребята были наши. Головка проект. Он его «Взгляд в будущее» называл.

Она сделала паузу, затягиваясь густым сигаретным дымом, и продолжила:

– Ну вы там скоро? Давайте по бочкам! А то мне этот пейзаж за окном порядком надоел. Столько лет смотрю, смотрю, а там одно и то же!

Молчун прошлепал босыми ногами по истертому до прозрачности в некоторых местах линолеуму и, попробовав ногой воду, ловко соскочил в бочку, сверкнув при этом голыми мускулистыми ягодицами.

– Будет остывать, – сказал ему Красавицкий, – махни рукой, добавим горячей.

Молчун кивнул и, погрузившись в горячую воду по подбородок, невольно расплылся в улыбке, а Сергеев подумал, что, наверное, это была первая ванна в его жизни. От этой мысли его накрыла такая волна нежности к этому смуглому, худому парнишке, с телом, покрытым шрамами, более подходящими опытному гладиатору, чем юнцу, что Михаил едва не задохнулся.

– Головка уже пару лет пытался поиграть в Макаренко, – произнес Красавицкий извиняющимся тоном. – Все ему хотелось открыть путь к светлому будущему грядущим поколениям.

– Ну, честно говоря, Тимур это начинание поддерживал, – добавила Говорова, стряхивая пепел в консервную банку. – По крайней мере, на начальном этапе.

– Было дело, – признал Тимур и опять потер в смущении подбородок.

Михаил прошел к своей бочке. Вода была горячей, самую малость отдающей химикатами, но все равно восхитительной.

Окунувшись, Сергеев уже через четверть секунды почувствовал, что засыпает. Он запрокинул голову, коснувшись затылком воды, и осторожно пошевелил пальцами ног. Сон наваливался на него с упорством туга-душителя, оседлавшего свою жертву. Под веками зудело, словно глаза засыпали крупным песком. Он рывком погрузился под воду и вынырнул, отфыркиваясь. Это чуть-чуть помогло.

– В общем, – продолжил Красавицкий, – ты же знаешь, что мы привечаем всех, кто приходит. Лишь бы правила выполняли. Никто без работы не остается. Лишних здесь нет – каждый человек на счету. Чего мне было возражать? Тем более, ты же знаешь Борьку, он мертвого уговорит.

– Короче говоря, – Говорова с силой раздавила окурок о край банки, – он собрал детей со всей округи. Дети как дети. Гринберг их от лишая лечил, от фурункулеза. Вшей повывели. Две бывшие училки из наших начали их учить уму-разуму. Из десятка ребят только двое читать могли. По слогам, правда, но тут не до жиру. И тут, мать бы ее безымянную так, черт принес эту девчонку. Мне она сразу не глянулась – на кошку бесшерстную похожа чем-то. У моей соседки до потопа жила такая – египтянка, кажется.

- Ну ты уж не преувеличивай, - попросил Красавицкий, - волосы у нее были.

- Я не сказала, что волос не было. Знаешь, Сергеев, в движении это было, в грации ее. Вот такая вот дистрофичная лысая кошка с хвостом, как у крысы, только длиннее. Погладить противно, и все про себя думаешь, кто ж это так тебя обстриг, милая? Мне бы на татуировки глянуть - мужики, понятно, стесняются. Ей лет четырнадцать-пятнадцать, как она говорит, а формы уже на все двадцать пять - какие уж тут мужики на осмотре!

Она покачала головой, нашла в кармане пачку сигарет, вытряхнула оттуда одну и прикурила от зажигалки, сделанной из гильзы автоматного патрона.

- Она была, - спросил Сергеев, косясь на внимательно прислушивающегося к разговору Молчуна, голова которого торчала из соседней бочки, - дитя Капища?

Красавицкий глубоко вздохнул и развел руками в стороны.

- Точно, - сказала Говорова. - Бинго, Сергеев!

- Ты много куришь, Ира, - внезапно строго заявил Тимур, глядя на Говорову.

Ирина Константиновна хриловато рассмеялась и, прищурившись, с иронией посмотрела на Красавицкого через сизый табачный дымок.

- Мне рака бояться? Или эмфиземы легких? Ты, Тимурчик, выбери мне смертушку, и я буду знать, чего бояться. А так - на хера мне это счастье? Того бойся, сего бойся... Мы с тобой троих на этой неделе похоронили. И еще пара на подходе. Завтра подхвачу лихорадку - и в дамки. А там не курят. Антибиотики нам нужны, Миша, - она повернулась к Сергееву и продолжила: - Новые нужны, годные. На старые уже ни одна хрень не реагирует.

- Мутагенность страшная, - подтвердил Красавицкий. - А что ты хотел при таком уровне радиации?

Сергеев от микробов не хотел ничего. Только чтобы его с Молчуном они не трогали. Но он понимал, что важнее работы для этих четверых врачей ничего нет и думают они о проблемах Госпиталя днем и ночью. Когда закончится

перевязочный материал? Что с нитками? Сколько йода осталось? А антибиотиков? Они могли говорить об этом до бесконечности – Сергеев не раз и не два слушал такие вот стихийно возникающие оперативки. На какую бы тему не шел разговор, он неизменно сворачивал на профессиональные интересы.

– Ну, в общем, – Говорова вздохнула, глубоко, словно продувала легкие перед погружением, – кто такие дети Капища, ты и без меня знаешь. И для чего их в мир посылают – тоже. У нас неприятности начались через пару недель, только мы, к сожалению, их не сразу заметили. И не до того было, и, если честно, Миша, наверное, расслабились.

Кто такие дети Капища и для чего жрецы рассылали их в разные стороны, Сергеев знал не понаслышке. Когда на Севере начали только появляться слухи об идолопоклонниках – такие смутные слухи, ничего конкретного, просто кто-то что-то видел, что-то слышал или беседовал с тем, кто видел и слышал, Михаил поставил для себя жирную отметку в памяти. Не то чтобы сразу поверил в человеческие жертвоприношения, в грубо вырубленных деревянных и каменных идолов, с губами, вымазанными человеческой кровью и ожерельями из внутренностей и зубов на шее, – отдавало это все бульварщиной и мракобесием, даже с учетом той жути, которая творилась на Ничьей Земле со времен потопа.

Сергеев был достаточно скептичен, для того чтобы воспринимать как правду все то, о чем говорили в поселениях. Ничего сверхъестественного в Зоне не творилось, а все, что принимали за нечто фантастическое, на деле оказывалось вполне объяснимым с точки зрения банального материализма.

Сергеев всегда был твердо уверен, что за любой пакостью, которая может случиться или уже случилась в мире, стоят люди или последствия человеческой деятельности, а не вселенские темные силы, и пока ни разу не ошибся. В смутное время всегда появляется огромное количество кликуш, жуликов-чудотворцев, разных там экстрасенсов и представителей новых церквей. В принципе, его старый знакомец Равви-Бондарев использовал тот же самый трюк: предоставив нуждающимся кров, защиту сообщества, объединил их под знаменами старой, как мир, но мало популярной в здешних местах религии.

Причем искажил он ее постулаты под свои потребности так, что любого правоверного иудея хватил бы удар от полковничьих тезисов и сентенций. Но действия Бондарева для его людей и в целом для ЗСВ были со знаком плюс – тут сомнений не было. А вот то, что делали жрецы Капища... Тут вопрос был

посложнее.

Сергеев разбирался в язычестве, как всем известное животное в апельсинах, – ну, не было у него в жизни такого интереса, хотя невеждой он не был. И специфика работы, и самолюбие быть неучем не позволяли.

Услышав о творящихся на Севере делах, он по старой привычке попытался накопать хотя бы немного информации о виновниках происходящего. И тут же столкнулся с проблемой. Если об иудаизме, который выбрал для организации общины Бондарев, знали, пусть в общих чертах, достаточное количество людей, то о язычестве, проповедуемом Капищем, почти никто.

Многобожие, отсутствие догмы и священных текстов, всевластные волхвы и жрецы. Общие фразы о великом славянском искуплении, о жертвенности, о чувстве вины за многолетнее поклонение чужим богам. И жертвы согласно псевдодревним ритуалам. По рассказам – человеческие жертвы.

Верить в это не хотелось совсем, и вначале Сергеев не поверил. Проблема заключалась в том, что найти информацию он мог только в Интернете – бумажные носители на территории Зоны либо пришли в негодность, либо находились в бессистемном состоянии. А для выхода в Интернет ему нужно было покинуть ЗСВ – не пользоваться же для поиска информации в Сети драгоценным спутниковым телефоном с предоплаченным временем. Тем более что каждый выход на связь таких устройств с территории Ничьей Земли был очень заметен – компьютеры спутника могли с точностью до метра определить точку нахождения абонента, а там уж и до беды недалеко.

Сергеев, как всякий деятельный человек, ждать не любил. Нет, когда нужно было проявить терпение – он проявлял его полной мерой, но, получив малейший шанс ускорить решение проблемы, использовал таковой без раздумий.

Уже двигаясь к границе, тогда еще в одиночку, так как попутчиков достойных по дороге не повстречалось, он наткнулся на Башковитого. И не просто на Башковитого, а на Башковитого трезвого, почти не абстинентного. Это означало, что у бывшего профессора кончилась отравка, причем не сегодня и не вчера, а недели три назад, как минимум. В таком состоянии он был очень опасен, так как совершенно непредсказуем в действиях, но Сергеев его абсолютно не боялся,

хотя об особенностях некогда крепкого профессорского организма, знал.

Башковитый, несмотря на страшнейшую наркозависимость и серьезные отклонения в психике, был ходячим кладезем информации.

Если он что-то не знал, то слышал краем уха. Если не слышал, то видел краем глаза. Но с Капищем и прочими непонятными образами, Михаилу не повезло, хотя спрашивал он правильно, цепляясь за малейшие заусенцы, оставшиеся в памяти Башковитого.

Башковитый, будучи в прошлом человеком широкообразованным, рассказал, что когда-то под Днепропетровском, километрах в сорока к югу от города, на берегу Днепра, вели раскопки древнего сооружения – капища Перуна. Но что там в результате раскопали и чем все кончилось – он не знал. Предполагал, что ничем. Память Башковитого, изъеденная наркотиками, радиацией и временем, словно жучком-древоточцем, работала избирательно. Но он помнил о том, что к находке проявляли достаточно большой интерес вполне определенные круги. Например, те, кто всерьез считал себя наследниками ариев. Чем дальше шли раскопки, тем больше внимания уделяла им пресса. Появились статьи в газетах – диспуты о том, можно ли использовать в качестве официальной эмблемы свастику, кто входил, а кто не входил в пантеон языческих богов и прочие загадочные, совершенно непонятные непосвященным, а значит, неинтересные для широкой публики споры.

Башковитый в общих чертах помнил о том, что говорили в те времена об идолопоклонниках, но толку от этого не было почти никакого. И вовсе не потому, что сведения устарели – нет!

Капище было порождением Ничьей Земли и не имело никакого отношения к местам, где отправляли свои религиозные надобности предки. Общего-то и было, что только название, символы и идола с испачканными чем-то красным ртами, возвышавшиеся на скрытых вырубках или заросших дикими лесными цветами полянах. Капище создавалось из легенды, из ничего, из неких смутных воспоминаний, но с вполне конкретными целями. И создавали его люди неглупые, вероятно, имеющие опыт работы в совершенно определенных структурах – больно уж все, включая агентурную работу и даже контрразведку, было здорово организовано.

На эту вполне безумную, попахивающую паранойей мысль Сергеева навели как раз дети Капища, с которыми он впервые столкнулся лет этак пять назад. Тогда на Север толком и сунуться было нельзя, разве что на правый берег – и то, если близко не подходить к береговой линии. Весь ил со дна Киевского моря, накопившийся там еще с лета 1986 года, густой рвотой выплеснулся вниз, через разрушенные плотины, превратив некогда любимый Михаилом город в радиоактивную пустошь. Там, где не лег слоем ил, стеной прошла вода.

Ниже Киева, по правому, менее пострадавшему берегу и обнаружили первые Капища, о которых рассказывали байки. Сергеев как раз вернулся с Запада, погостив у конфедератов, и все время в разговорах срывался на польский язык – во Львове он начал применяться на равных правах с украинским. В Каневе, вернее в том, что когда-то было Каневом, оставалась небольшая колония, в которой жил и даже занимал какой-то пост Максимилиан Пирогов, поэт и бард, некогда известный на весь Союз, а уже потом и на всю Украину. Сергеев обожал старика Макса и, бывало, гостил у него безо всякой надобности дней по десять – если дела, конечно, никуда не звали.

Пирогов был уже немолод, причем далеко не молод. Как-то в разговоре с Сергеевым он обмолвился, что родился в год смерти Сталина, и путем нехитрой арифметики Михаил установил, что Макс должен вот-вот стукнуть шестьдесят пять. На Ничьей Земле он мог считаться настоящим долгожителем. Так долго здесь теперь не протягивали.

Именно Макс первый столкнулся с детьми. А Сергеев подрос к развязке трагедии и даже принял в ней участие – в результате сны об этом преследовали его по сей день.

Когда Сергеев, войдя в Канев с севера, появился в кварталах, где жили люди, Пирогов был пьян и в растрепанных чувствах. Ему бы радоваться, что остался цел, а он чуть не плакал и беспрестанно ругался. Не то чтобы это Сергеева удивило, Макс был запойно пьющим последние лет 50, об этом легенды рассказывали, и русским матерным владел лучше, чем родным украинским, но тут... Он ругался с такой горечью в голосе, так однообразно и без фантазии, что Сергеев сразу понял – произошло что-то чрезвычайное.

Пирогова как раз перевязывали – ножевой порез на руке был так глубок, что еще чуток и лезвие перехватило бы сухожилие. Полноватая женщина, в годах, одетая в камуфляжную куртку поверх байкового халата и грязноватых

спортивных брюк, бинтовала ему только что зашитую рану. Крови было – словно на столе свеживали барана.

– Сергеев! – сказал протяжно Макс своим нежным, почти детским голосом, который с его внешностью вязался, мягко говоря, плоховато. – Ё... твою мать! Сергеев! Ну чего ты раньше не приперся! Хоть на час!

– Здравствуй, Макс, – Михаил с наслаждением сбросил с плеч тяжелый «станок» и с хрустом расправил спину. – Что стряслось? Ты что, неудачно бутылку открыл?

– Слышь, Татьяна, – обиженно и горько протянул Пирогов, обращаясь к перевязывающей его женщине, – бутылку я открыл! Сергеев! Ё... твою мать! Шутник, ё... твою мать! Меня чуть не убили!

Сама мысль, что кто-то из обитателей колонии мог покуситься на всеобщего любимца, душу общества – Макса, была абсурдной. Никто из посторонних на колонию не нападал – Михаил пообщался с часовыми на юге. Но на фантазера старик тоже похож не был. Он тряс грязными белыми патлами и шипел от боли, когда бинт туго ложился на свежий шов.

– Чем шили? – спросил Сергеев, присаживаясь в углу.

– Чем-чем? – сказала Татьяна. – Ниткой вываренной шили. Кетгут кончился. У нас запасы вышли.

– Перекись? Йод?

– Есть пока. И водки – до черта! У него нюх. Второй склад находит.

– Лучше бы ты медикаменты нашел, – с упреком произнес Сергеев, обращаясь к Максиму. – Сгоришь ведь...

– Не сгорит, – Татьяна зубами затянула узелок на бинтах, – он у нас везунчик.

Пирогов повернулся в профиль, и Михаил увидел, что под левым глазом, который до этого прятался в тени, наливается багрово-синим огромный, похожий на мошонку кровоподтек. Ухо с той же стороны было все в запекшейся крови,

кажется, порванное в нескольких местах. По шее, исчезая за растянутым воротником хлопчатобумажного, застиранного свитера, змеились глубокие, как канавы, борозды от ногтей количеством четыре.

- Ты что, с медведем дрался? - спросил Сергеев, разглядывая пироговский профиль.

Профиль впечатлял.

- Лучше бы с медведем, - выдавил из себя Макс. - Ой, Миша, что-то странное творится, ей-богу! Ё... твою мать!

- Ты хоть не богохульствуй! - в сердцах Татьяна даже рукой махнула, расплескав из бутылки водку, которой обильно поливала ветхую, но чистую салфетку. - Креста на тебе нет! Вместе с чем поминаешь, пьяница! Морду повороти!

- Так с кем дрался-то? - переспросил Сергеев. - Ты, конечно, не тяжеловес, но...

Пирогов вздохнул. Потом еще вздохнул, набирая в легкие воздух, и в этот момент Татьяна начала промокать салфеткой поврежденную часть его лица. Макс зашипел, как уж, попавший на раскаленные камни, задержался и вспомнил нарицательную «маму» раз тридцать за минуту.

- С девкой своей дрался, - сказала Татьяна, продолжая чистить раны, несмотря на Максову ругань, - с пигалицей своей поганой. А Ромка с Тимошей сбежали. И, дай Господь, чтобы вернулись. Не по его душу, а просто так - чтобы здесь жить дальше.

- Я что-то не понял? Макс, ты что? Вторая молодость пришла? Какие девки?

- Ё... твою мать, Сергеев!

Грусть в голосе Пирогова была неподдельной.

- За кого ты меня держишь? Какие девки в мои годы? Или ты мне комплимент решил сделать?

– Ну, не прибедняйся! – неожиданно весело сказала Татьяна. И хихикнула.

Пирогов скосил на нее полный страдания, заплывший окончательно глаз и уж было сказал: «Ё...», но почему-то передумал.

– Так, – произнес Сергеев серьезно. – Ничего не понимаю! Какая пигалица? Это что за нежное существо, которое тебя так разукрасило?

Пирогов опять вздохнул и принялся рассказывать, пересыпая речь любимыми идиомами и шипя от боли, когда спирт попадал на открытые раны.

Девочка, лет двенадцати, которая сказала, что ее зовут Агафья, появилась в Каневской колонии два месяца назад, почти в начале весны. Точнее – в марте. Обычная себе девочка-припевочка – голодная, замурзанная, перепуганная, с живыми карими глазенками, густой шапкой свалывшихся в колтун волос непонятного цвета и в смешном клетчатом пальтишке, словно выхваченном из прошлой жизни.

Это клетчатое пальтишко и было той деталью, которая «добила» старого барда. Он моментально взял над сироткой шефство. История у Агафьи тоже была донельзя трогательная. Папу убили военные, кажется, конфедераты. Маму с братиком расстрелял патрульный российский вертолет – они вышли в охраняемую зону газопровода. Так Агафья осталась одна. За десять дней, прячась в оврагах и зарослях кустарника, дрожа от холода холодными мартовскими ночами, голодая и страдая от жажды – родители объясняли, что из больших рек пить нельзя, а ручейки ей не попадались, она прошла больше 150 километров на юго-восток. И вышла на колонию, как по нитке, словно Машенька из сказки про медведей.

– Ты б, старый дурак, задумался, – встряла в рассказ Татьяна, мазавшая Пирогову раны какой-то жирной мазью с резким запахом, скорее всего самодельной. – Ну как ребенок за десять дней может пройти столько по полному бездорожью? Развесил уши...

Сергеев покачал головой.

«Есть многое на свете, друг Горацио...»

Детей в колонии было человек десять, но одинокими они не были. Дети без родителей – это да, но не сироты, это слово в колонии не любили даже произносить. На то, что население будет увеличиваться естественным путем, надеяться не приходилось. Молодежи было раз-два и обчелся. Единственный на всю колонию врач оказался дантистом, а не акушером, но быстро смирился с тем, что профиль придется поменять. Он даже два раза принял роды – больше никто не беременел. Оба младенца родились мертвыми. Может быть, поэтому отношение к детям было трепетное – они были будущим. Старый большевистский лозунг обрел второе дыхание.

Агафью определили в «детскую» – под место жительства деткам был отведен вполне приличный двухэтажный дом, отремонтированный и ухоженный. Ее отмыли, постригли почти налысо – расчесать свалявшиеся, как овечья шерсть, волосы не представлялось возможным. Во время стрижки Татьяна и заметила под волосами, чуть выше виска татуировку, сделанную синими чернилами, – похожую на толстоногого паучка свастику. Еще одна татуировка пряталась у Агафьи в паху – там, в самом верху внутренней стороны бедра, рядом с половыми губами, на которых уже пророс редкий темный волос. Третий «паучок» сидел под мышкой, справа, тоже маскируясь в по-детски редких зарослях. Не прими Татьяна участия в купании – и никто бы ничего и не заметил. Вообще-то бросалось в глаза, что для своих двенадцати девчонка была развита выше нормы. Еще не оформилась окончательно – это да, но хрупкую грань между девочкой и девушкой уже пересекла.

Макс, никогда в жизни не имевший собственных детей, был в «детской» свой в доску. Все ребята, а самому младшенькому было уже девять, души в нем не чаяли и называли не иначе как дедушка Макс. Он рассказывал им сказки, пел песни своим сладким голосом, учил писать стихи и рисовать. В общем, делал то, что мог, и для себя, и для колонии, и прежде всего для детей. Агафью он сразу посчитал внучкой.

– Она была такая беззащитная, Сергеев! Такая милая!

Она была такой, какой хотела казаться.

Уже на второй неделе пребывания гостьи Агафьи Лукиной в «детской» стало видно, что между нею и старшими ребятами, перевалившими за пятнадцатилетие, идет нешуточная борьба за лидерство. Потом, неожиданно

для всех, погибла Лика, очаровательная хромоножка, настоящий вожак. Ловкая, сильная, превосходно стрелявшая, неутомимая в походах, несмотря на хромоту – перелом, полученный в детстве, давал о себе знать: она упала в проем между этажами, прямо на торчащую ежом ржавую арматуру.

Смерть была глупой, тем более что Лика выросла в развалинах и двигалась в них ловко, как индеец в родном лесу. Но никто не застрахован от случайностей.

– Мне бы насторожиться, – произнес Пирогов с горечью, – но кто ж мог предположить?

– Я могла, – возразила Татьяна. – И я тебе говорила.

Она действительно говорила ему. Рассказала о трех «паучках», невидимых на первый взгляд. Рассказала о том, что с появлением Агафьи в «детской» не ладят между собой. Рассказала, что через день после смерти Лики ее друг и любовник (что поделать, на Ничьей Земле выросли рано!) Влад, который должен был бы еще убиваться по ушедшей подруге, со всем усердием «имел» юную, но далеко не невинную Агафью в одной из спален. Рассказала и о том, что, после того как она влетела в комнату и прогнала нимало не смущенного Влада прочь, внезапно услышала в полутьме тихое хихиканье и скорее почувствовала, чем увидела, как из разворошенной постели, из спальных мешков, в нее уперлись два злобных, похожих на тлеющие огоньки, глаза.

Говорила она Пирогову и главе колонии многоопытному Киру – Кириллу Осыке – о том, что неспроста на нее обрушилась бетонная балюстрада с балкона старого, полуразрушенного дома и только чудо спасло ее от верной смерти.

Предупреждала о том, что в отношениях между воспитателями и детьми наметился такой странный, необъяснимый и пугающий холодок и даже вспыхивают необоснованные конфликты. И за всем этим, словно серая пасмурная тень, стоит хрупкая фигурка отроковицы Лукиной Агафьи Семеновны – двенадцатилетней (а может, и нет) полудевочки-полуженщины, с наигранной невинностью во взгляде и повадками хищного, опасного зверя.

А сегодня, ровно полчаса назад, случилось то, что случилось. Макс, не застав детей в спальнях, пошел вниз в подвал и обнаружил их стоящими на коленях, полукругом, перед своей любимицей. Голос ее гудел, как колокол, на басах. Как из этого тельца мог исходить такой звук – было для Пирогова загадкой.

«А я, кажется, догадываюсь», – подумал Сергеев печально.

Стоявшие перед ней на коленях подростки были не в себе. Глаза их были закачены так, что в неверном свете расставленных вокруг самодельных свечей сверкали бельмами, и в такт ее ритмическому гудению они сами раскачивались, словно деревья под порывами ветра.

Потом голос ее стал нежным и вкрадчивым, зашелестел, как бриз в листве приморского парка, и Макс расслышал слова:

– Мы друзья! Только мы. Остальные – никто. Пыль, прах, грязь... Станьте в круг, возьмитесь за руки, поклонитесь древним богам! На их губах кровь жертв – это сладкая пища!

Она хлопнула в ладоши, и даже в подвале с низким потолком и покрытыми мхом и плесенью стенами звук прозвучал резко, как будто лопнул воздушный шарик.

– Сладкая пища Капища! – прогудели дети на одной ноте. – Кровь есть пища! Плоть есть пища!

Пирогов почувствовал, как волосы у него поднялись дыбом по всему телу, словно он очутился под проводами, по которым тек электрический ток невероятной силы. Затылок вдруг стал холодным, колени резиновыми, а мочевого пузыря, который он опорожнил десятью минутами раньше, оказался полным под завязку.

– Что говорят вам жрецы? – прошептала она на грани слышимости. – Они говорят голосами истинных богов. Солнца, ветра, матери сырой земли.

Голос Агафьи набирал силу, становился все более и более громким и одновременно наполнялся вибрациями – словно кто-то ритмично дергал защемленный китовый ус.

– У вас нет друзей, кроме детей Капища! У вас нет богов, кроме богов Капища! И пока вы не войдете в священный круг, – тут она снова громко хлопнула в ладоши, – я для вас душа Капища и голос его богов! Кто есть чужие?

– Все, кто лишен веры! – прогудели голоса, которые еще недавно были голосами детей и подростков.

– Что ждет неверующих?

– Жертвенный камень!

– Кто есть я?

– Душа Капища!

Она рассмеялась тихонько и неожиданно радостно. В этом смехе не было ни злорадства, ни торжества. Так могла рассмеяться ее ровесница, жившая в Каневе, в другой жизни, до потопа – просто, безыскусно. Пирогов содрогнулся от этого смеха, как от плохой теплой водки, передернулся всем телом и совсем уже решил выйти из густой тени дверного проема, когда Агафья сделала шаг вперед и раскинула руки в стороны вместе с полами накидки, лежащей у нее на плечах, отчего в свете свечей стала похожа на Бэтмена.

И вот тут Пирогов чуть не заорал в голос, сжавшись так, словно ему на живот поставили раскаленный до потрескивания утюг. Прямо под ногами пришлое сиротинушки, на засыпанном отсыревшей штукатуркой и чешуйками отслоившейся побелки полу, лежала одна из колонисток – Галя Зосименко – голая, окровавленная, с забитым в рот кляпом из грязной тряпки. Руки и ноги ее были прихвачены к земле согнутыми кусками арматуры, словно кольцами наручников. Она была в сознании, только испугана до такой степени, что начала каменеть, на ближнем к Максусу бедре, молочно-белом и грязноватом, вздулся желвак судороги. Она смотрела прямо на Пирогова, но не видела его – из-под челки стрелял беспорядочно совершенно безумный, черный глаз.

Агафья шумно, со стоном, выдохнула. Раз, другой, третий... И Пирогов понял, что все, от мала до велика, находящиеся в этой комнате, дышат в одном ритме. И он в том числе.

Она качнулась влево. Темные фигуры детей со светящимися отраженным светом глазами зомби двинулись синхронно с ней. Макс почувствовал, что и его тоже повело влево.

Вправо. Опять все повторили движение.

Влево, вправо, влево, вправо...

Маятник.

Метроном.

Все быстрее и быстрее. Опять крыльями летучей мыши взметнулся плащ. Под ним девочка была голой, живот и налившиеся груди выпачканы чем-то красным. В таком же алом пятне совершенно скрылся рот – белые зубы на этом фоне смотрелись зловеще.

Макс дышал синхронно с ней. Его сердце билось в такт. Он начал терять нить мысли.

ДУ-ША КА-ПИ-ЩА! ЖЕР-ТВЕН-НЫЙ КА-МЕНЬ! СЛАД-КА-Я ПИ-ЩА КА-ПИ-ЩА!

И снова!

ДУ-ША КА-ПИ-ЩА! ЖЕР-ТВЕН-НЫЙ КА-МЕНЬ! СЛАД-КА-Я ПИ-ЩА КА-ПИ-ЩА!

Макс почувствовал, что начинает пританцовывать в ритме этого гудящего напева. Его уже не интересовала судьба Галки, корчащейся на полу. Да и своя собственная тоже. Главным сейчас был этот варварский, размеренный напев, эти низкие, почти органные звуки, которые издавало это хрупкое, детское... Детское? Она была очень худенькой и хрупкой, но назвать ее ребенком не смог бы никто. Оформившаяся девочка-подросток, молодая девушка, но не ребенок.

И еще запах... Макс отдавал себе отчет, что на этом расстоянии он не уловил бы и вони скунса, но его обоняние посылало в мозг сигнал – это был ненаучный факт, но так и было.

Даже с этого расстояния Пирогов, любивший за свою жизнь немалое количество разных женщин, безошибочно уловил своими заросшими седыми волосами крупными ноздрями едкий и пряный запах разгоряченной, течной суки. Ведомый этим запахом, как по нитке, Макс сделал несколько шагов вперед и,

зацепившись о ржавую проволоку, рухнул, едва успев отвернуть голову от колонны.

- Будешь смеяться, Сергеев, именно это и спасло мне жизнь! Не упали я тогда, не приложись мордой о пол, да так, что искры из глаз полетели, - танцевал бы я в том кругу, как миленький!

- А дальше что? - спросил Михаил, разглядывая расцвеченную всеми цветами радуги физиономию Пирогова. - Она тебя приложила?

- Вот это? - спросил Макс, осторожно пробуя «мошонку» под глазом.

- Да.

- Это она.

- А остальное? Тоже она?

- Ну, положим, били-то меня все. И били насмерть...

- Я уже догадался...

- То, что не забили, как телка на бойне, - это Господу спасибо!

- И мне... - добавила Татьяна.

- И тебе, - легко согласился Пирогов и, покосившись на Сергеева, осторожно погладил Татьяну по руке. В глазах его была нежность.

- Я слышала крики и выстрелы, - сказала Татьяна. - Случайно слышала.

- Ты стрелял? - спросил Сергеев.

- И я тоже.

– Не переживай ты так, – теперь уже она погладила Макса по седой голове, – выбора-то у тебя не было вовсе. Прирезали бы.

– Это были не люди, – сказал Пирогов, глядя Сергееву в глаза. – Это были нелюди. Ты же знаешь, как я люблю детей? Я же с ними возился с первого дня, как мы собрались. Я же некоторых лично из развалин вынес. Отпаивал, откармливал, колыбельные им пел. Жратву на спине им пер за тридевять земель. А они... Они меня зубами грызли. Они по ее слову, жесту, по ее приказу меня готовы были на ленты распустить. На шнурки. На ниточки.

– Сколько сбежало? – Сергеев перебил Макса, потому что его надо было перебить. Старика уже трясло, как с похмелья.

– Двое, – ответила Татьяна. – Остальные в состоянии... Ну, не знаю... Оцепенения, что ли? Вроде спят, а вроде и не спят...

– Ее ты застрелил?

Макс вскинул на него покрасневшие, как от бессонницы, глаза.

– Да нет... Живая она!

– Живая? – переспросил Сергеев.

Это была удача. Несомненно, удача. На такое Михаил и не рассчитывал.

– И где же это сокровище?

– Заперли в мастерских. В подвале. Это тут рядом, – Татьяна потрогала повязку на предплечье Макса и, кажется, осталась довольна. – Могу показать. Если хотите, конечно...

– Обязательно, – сказал Сергеев, вставая.

– Ты осторожнее, – предупредил Пирогов. – Мы ее вчетвером крутили-крутили, так она еще двоим ребра поломала.

- И одному руку, - бесстрастно добавила Татьяна.

- Да уж я как-нибудь, - он поправил на плече автомат. - Но за предупреждение спасибо! Куда идти-то?

- Тут недалеко.

- Сергеев, - сказал ему вслед Макс, - и еще... Не слушай ее.

Он еще раз потрогал набрякший под глазом мешочек.

- То, что она в морду может дать, - это полбеды. А вот говорить с ней действительно опасно.

- Не волнуйся, Макс, - Михаил еще раз посмотрел на Пирогова, бледного, раненого и измученного, и понял, что Макс по-настоящему страшно.

- Я справлюсь. Но за предупреждение спасибо, - повторил он.

Глава 3

В подвале пахло сыростью больше, чем на первом этаже. К запаху влажного бетона и штукатурки примешивались еще специфический запах плесени, сладковатая вонь подгнивающей органики и отдаленный запах испражнений. Напитанный влагой бетон лестничных пролетов крошился под ногами.

«Еще несколько лет, - подумал Сергеев, спускаясь вниз, - и находиться в помещениях станет опасно». Строили на века. Но, для того чтобы дом жил, пусть не век, пусть лет сорок-пятьдесят, в доме должны быть люди. Без них, без смысла существования, здание начинает превращаться в развалины. Эти дома ранены Волной и ранены смертельно. Им осталось недолго.

Он потрогал пальцами серую стену, по которой, как слезы, скатывались крупные прозрачные капли воды. Они покрывали бетон, словно пот, выступающий из пор

на человеческом теле.

Внизу, у массивных дверей, когда-то ведших в бомбоубежище, сидел Локоть – полный, одутловатый мужик лет сорока с круглыми, как пятаки, глазами. Он сидел на корточках, положив помповый «ремингтон» на культю левой руки, из-за которой и получил свое прозвище, и жевал длинную щепку редкими, желтыми, как старая слоновая кость, зубами.

– Привет, – сказал Сергеев.

Он Локтя недолюбливал. Причины тому были чисто внутренние, скорее интуитивные, чем фактические. Ну, был Локоть в жизни прошлой ментовской шишкой? Ну, рассказывали о нем разное – это же прошлая жизнь была, не эта. Та кончилась давно, канула во тьму. А в новой жизни Локоть вроде бы был мужик ничего. Правильный, воинственный, смелый. Из-за смелости его руку-то и отстрелили. Из обреза такого же помповика, в упор. Так, что и пришивать стало нечего. За что ж его не любить? Как-то и непонятно...

Но нелюбовь – вещь тонкая, объясняемая с трудом. Да и что тут объяснять? И к чему? Дороги у Сергеева и Локтя были разные, виделись они редко, и крестников общих, видит Бог, не намечалось.

Но все равно, увидев присевшего у двери на собственные пятки Локтя, Михаил подобрался, чтобы не сказать – напрягся.

– Привет, – ответил Локоть, не поднимаясь. – В гости, что ли?

– Угадал, – буркнул Сергеев.

– Не бздишь? – на физиономии Локтя, широкой и откормленной, покрытой редкими бледными веснушками, появилась злорадная улыбка. – Она тут выла, как волчица. Макс рассказывал?

Сергеев кивнул, осматриваясь.

– Ее когда вязали – чуть не убили. Пока по башке прикладом не дали, всех калечила. Малая, а сильная. Тебе открывать?

- Угадал.

- Ей там рот заклеили, чтобы не напела охране чего не того. Ты не отлепляй пластырь-то!

- Что я с ней, на языке жестов буду разговаривать? Чего я туда, по-твоему, лезу? На экскурсию?

- Ты, Сергеев, мужик смелый, - ослабилась Локоть, - но дурной. Пристрелили б вы ее. Спокойней было бы всем. Ты просто не слышал, как она воет! Ты так не загудишь, даже если тебе яйца резать будут! Нелюдь она!

- Не умничай, - сказал Сергеев, - открывай.

- Ну, смотри, - прокряхтел Локоть, вставая, - не говори, что тебя не предупреждали.

Он поставил ружье к стене и единственной своей рукой повернул колесо многорычажного замка. Внутри массивной металлической двери что-то щелкнуло и зашелестело. Стержни ригелей проскользнули по масляной пленке и легли в пазы, провернулись жирно умащенные солидолом массивные дверные петли.

- Давай, камикадзе... - с улыбочкой произнес Локоть, снова беря в руку ружье. - Дуй. Выпытай. Самый умный он у нас. И поумнее были. Керосинка слева. Спички есть?

В бывшем бомбоубежище было темно и очень холодно. Где-то далеко впереди звонко падали на пол водяные капли - ритмично, как отметил про себя Сергеев, по одной в секунду.

Локоть держал дверь открытой, пока Михаил не нашел самодельную керосинку и не зажег грубый фитиль от своей зажигалки. Свет лампы давала неверный, желтоватый и колеблющийся. Если судить по запаху, залит в нее был не керосин - пахло совсем уж тяжело и мерзко.

Как только фитиль разгорелся, Локоть захлопнул дверь и замки лязгнули, как орудийные затворы. В полумраке Сергеев едва различил лежащий у стены куль, из которого торчали коленки. Он поискал глазами, на чем бы устроиться, и нашел: вдоль стены располагалась неширокая лавка, вся осклизлая, заросшая плесенью и еще чем-то клочковатым, напоминающим мох. Тут же валялся сломанный трехногий стул, но при всей своей шаткости он показался Сергееву более привлекательным – к лавке и прикоснуться было противно, не то чтобы сесть.

Он переставил лампу поближе к тому, что напоминало мешок, ухватил с пола колченогое сооружение и сел лицом к спинке, чуть наклонившись, чтобы не опрокинуться набок.

Спеленали Агафью на совесть. От щиколоток до середины голени ноги были обмотаны широкой липкой лентой грязно-серого цвета, словно заизолированные электриком-параноиком провода. Стянутые за спиной руки были прихвачены к туловищу еще несколькими витками такой же ленты. Еще один кусок плотно заклеивал рот. Над серой полоской углями горели глаза. Вернее, полностью горел только один. Второй был полуприкрыт – на веке плотной коркой запеклась кровь, стекшая из раны на голове.

– Ну здравствуй, Агафья! – произнес Сергеев негромко. – Поговорим? Только придется потерпеть, будет больно, когда пластырь сорву. И ногами не дрыгай, толку все равно не будет.

Глаза-уголья не отрываясь смотрели на него. Она даже не моргнула, когда липкая лента с шипящим звуком слетела с ее губ, оставив покрасневшую кожу и алые капельки там, где плоть сошла вместе с клейким слоем.

– Вот так, – сказал Сергеев, сминая ленту в комок. – Что ж ты, Агафья, так всех напугала? Могли бы и пристрелить. Ведь было за что?

Михаил, даже не глядя на нее, почувствовал, как изменяется ритм ее дыхания. Кто бы ни учил девочку, он свое дело знал. Конечно, талант нужен, но овладеть соответствующими навыками может, в сущности, любой. Кудесником без дара не станешь, разве что крепким середнячком, но и этого для утилитарных задач хватало с избытком.

Мангуст, например, выделял три основные задачи: допрос, вербовка и противодействие допросу и вербовке. Он же требовал, чтобы на зачете по нейролингвистическому программированию их «драли по-черному». Нагонял жути, это у него называлось «закошмарить кадета», рассказывая о методиках смены личности, программировании боевых заданий, лингвистических ключах, запускающих скрытые в глубине сознания механизмы. И ведь не врал же. Ни капли не врал. Хоть казалось тогда, что сказочки Мангуст сочиняет и все эти акценты, якоря, «мыслеобразы» и прочая хренотень взяты из глупых шпионских фильмов.

Тогда ведь никто не говорил, что очень даже серьезные люди, люди целиком и полностью государственные, тратят миллиарды (кто рублей, кто долларов, кто фунтов) для того, чтобы разработать и освоить методики воздействия на человеческое сознание. Это было соревнование психологов и химиков из разных лагерей, закончившееся вничью. Результаты этого соревнования оставались тайной за семью замками, может быть, потому, что исследования были опасны для людей и мало согласовывались с протоколами о защите прав человека, а, скорее всего, потому, что разработки эти продолжались и по сей день. Уж больно полезным могло оказаться решение проблемы полного управления личностью.

Девчонка, несомненно, была одаренной, и учил ее профессионал, но вот талантлива она или нет – сразу разобраться было трудно. Утешало одно: талант он бы уже почувствовал на собственной шкуре. Тут было бы достаточно зрительного контакта – и все, приехали.

– Что молчишь? Присматриваешься?

– Почему присматриваюсь? Просто смотрю, – отозвалась она низким хриплым голосом. – Пить дай. Горло пересохло.

Сергеев с удовольствием наблюдал, как девчонка «держит позицию».

Хороша, чертовка. Прощупывать начала сходу. Как только увидела, что вошел. Нет, она таки крепкий профессионал, прошедший полный курс обучения, но не Вольф Мессинг, что радуется особо.

Для того чтобы напоить Агафью, веревки трогать было не надо. Она жадно припала к горлышку фляжки, но сделала только несколько сдержанных глотков. Ровно столько, сколько нужно сделать, чтобы сбить сухость во рту, – ни более ни менее. Сергеев осторожно придержал ее за затылок, чтобы не захлебнулась. От девчонки остро пахло потом, кровью, подопревшей одеждой и испражнениями. Как ни странно, самым неприятным был именно запах пота, настолько резкий и сильный, что хотелось зажмуриться и прополоскать рот.

Напившись, она опять полулегла у стены, не сказав ни слова благодарности, и хищно облизнулась, одним движением острого, как у ящерицы, языка убрав с губ остатки влаги и крови.

– Пожалуйста, – сказал Михаил, снова взгромоздившись на сломанный стул. – На здоровье. Что-нибудь еще?

– Повторить бы не под себя то, что я уже сделала в трусы, – ухмыльнулась Агафья, кривя рот. – Когда ногой в живот пнули. Ты тому однорукому козлу, что у дверей сидит, передай, что за мной должок. Я его собственными кишками накормлю, когда выберусь.

– Если выберешься, – поправил ее Сергеев.

– Сомневаешься?

– Сомневаюсь. Ну что мне стоит тебя пристрелить? Или отдать приказ тебя пристрелить?

Агафья рассмеялась. Она уже подстроила дыхание под его ритм и осторожно нащупывала нить разговора.

«Доверительного разговора, – подумал Сергеев, – теплого, как парное молоко. Как губы матери. Даже интересно. Неужели одна методика?»

– Ты же не убиваешь женщин и детей.

– Да? – спросил Сергеев. – Серьезный аргумент. И ты права. Я действительно не убиваю женщин и детей. Без крайней необходимости. Догадайся с трех раз –

есть сейчас такая необходимость или нет? Да и ребенок ли ты? То, что ты женщина, я вижу и слышу. Тебе сколько лет, красавица?

- Если я скажу двенадцать - ты не поверишь?

- Я не поверю.

- А правду я тебе все равно не скажу.

- Дело твое. Я просто так, к слову. Про то, что я не убиваю женщин и детей. Чтобы не было иллюзий.

- А как тебя зовут? - спросила Агафья. - Имя у тебя есть?

- Михаил.

- Хорошее имя.

- Не жалуюсь. Привык.

- Ты зачем пришел, дядя Миша? Спрашивать?

- Была такая мысль. Интересно мне с тобой побеседовать, племянница.

- Грозить будешь. На ремни порезать пообещаешь.

Она не спрашивала, скорее утверждала.

- Знаешь, Агафья, - сказал Сергеев, доставая из кармана сигареты, - есть столько способов тебя разговорить, что ты сама удивишься, если пересчитаешь. Можно, конечно, и на ремни нарезать, если совсем ничего больше не умеешь. А можно и без глупостей. Как тебя, кстати, звали до Агафьи? Алла? Анна? Алина?

Она молча смотрела на него с пола, сверкая глазами недобро, но почему-то весело. Отчаянно весело. И Сергеев подумал, что разговорить ее будет труднее, чем он всем своим видом показывал. Гораздо труднее. Но девочка об этом пока

не догадывается. Или все-таки догадывается?

- Агафья, - произнесла она медленно, тщательно отделяя звук от звука, словно предварительно разжевывая слово, и улыбнулась, показывая перепачканные кровью мелкие белые зубы. - Это имя у меня такое - Агафья. Понял, дядя?

- Пусть, - сказал Сергеев равнодушно, - хорошее имя, ничуть не хуже любого другого. Курить хочешь, племянница?

- А ты дашь?

- Дам. Мне не жаль. Детям, конечно, курить вредно, но тебе дам. Тебе уже не повредит.

Агафья рассмеялась звонко и громко, отчего съехала спиной по стене и завалилась на бок.

- Тебе что смешно, - спросил Михаил, вставая, - что курить вредно? Или то, что тебя ребенком называли?

Он рывком усадил ее поудобнее, вставил между разбитых губ сигарету и щелкнул зажигалкой.

Это было очень важно - физический контакт, механическое движение, акт доверия - рука у незащитного, израненного лица. Плюс к этому, куря сигарету, человек невольно выравнивает свое дыхание и к нему легче подстроиться. Она связана, и повторять ее позу и движения, мягко говоря, затруднительно. Но в тот момент, когда она выпускает дым... Сколько тайн было раскрыто за совместно выкуренной сигаретой, сколько признаний сделано, сколько предательств совершено.

«Курите, подследственный! - Спасибо, гражданин начальник!»

Снасть заброшена, острый, острее любого рыболовного, крючок заведен за губу. Осталось только одно - вовремя подсечь. Хотя с этой девицей все может оказаться не так просто.

Он закурил и сам, мысленно включив метроном в своем воображении.

Двадцать два, двадцать два, двадцать два...

Струя голубого дыма вырвалась из его губ и закружилась грозовой тучей в свете керосинки.

Она ответила жидким облачком – неудобно курить со связанными за спиной руками.

И раз... И два... И три...

– Ну так как? Поговорим?

Он слушал капли, мерно падающие на жесть в глубине подвала.

– Не о чем нам с тобой говорить, дядя. Ваша взяла, меня скрутили – и радуйся. А пацаны сбежали – это уже радость моя.

– Есть что скрывать?

– Скрывать всегда есть что...

– Для чего все это? Чего добиваются те, кто тебя послал?

Она ухмыльнулась одним уголком рта, сразу став похожей на картинку из книги, которую Сергеев страшно любил в детстве. Книжка называлась «Звезды немого кино», и была в ней фотография Мэри Пикфорд в роли маленького лорда Фаунтлероя с так же зажатой в уголке рта сигаретой. Только Мэри была рыжей, что становилось видно даже на черно-белой фотографии, с обилием нарисованных на лице веснушек. Но сходство, почти портретное, бросалось в глаза.

– Умоешься. Спроси у Капища, может, оно тебе ответит.

– Хороший совет. И спросил бы. Но где оно – ты мне тоже не скажешь.

- Угадал. Не скажу, конечно. Но ты можешь поискать.

- А если я догадаюсь?

- Твое дело.

- Слушай, Агафья, я очень терпеливый. И у меня есть время. Все настороже, и, если ты надеешься, что ребята тебя отобьют, пойми, что это проблема. Они, конечно, попытаются...

- Можешь не сомневаться, - сказала она с недоброй интонацией, - попытаются.

- Их или застрелят, или покалечат. Все уже сообразили, что и они, и ты - угроза существованию колонии. Прямая угроза. Я еще не рассказывал Максусу, что парни запрограммированы, но это неважно.

- Ты уверен?

- Совершенно. Даже если ты пользовалась химией, как твои хозяева делали с тобой, то натренировать их до уровня волкодавов ты никак не могла - просто не было времени. Да и квалификация у тебя не та, иначе бы черта с два тебя взяли. Живой, по крайней мере. Их застрелят, как цыплят. Они были страшным оружием до тех пор, пока их считали своими. А после перехода в другую категорию, в категорию чужих - увы, они почти что трупы, только сами еще того не знают. Нет, не так - не осознают.

- Значит, у Капища будет еда.

- Тебе-то что? Что-то я тебя не понимаю!

- Брось, дядя, все ты отлично понимаешь! Мне - ничего. Сгнию я у тебя в подвале, расстреляют меня, повесят или отпустят - для Капища ничего не поменяется. А знаешь почему? Потому что я первая ласточка. Ты мне другое скажи... Откуда ты знаешь, что меня готовили с химией?

- По запаху, - спокойно ответил Сергеев. - От тебя несет феромонами, ускорителями метаболизма, гормонами и прочей дрянью. На молодых пацанов

это действовало почище гипноза? Так?

Столбик пепла, криво висевший на кончике сигареты, свалился к ней на живот. То, что отразилось на ее лице, было трудно назвать даже ухмылкой.

– Действовало, конечно. Куда они денутся? И на тебя действует, хоть ты и не мальчик.

Сергеев иронично поднял бровь.

– Но на вопрос ты так и не ответил. Откуда ты знаешь?

– Что? Интересно? – спросил Сергеев и поймал себя на мысли о том, что перестал воспринимать Агафью как ребенка. Как равного противника, как опасного врага – да, воспринимал, но считать эту... Это существо ребенком он не мог никак.

– Жуть как интересно, дядя... Я таких, как ты, не встречала.

– Каких таких?

– Слишком умных! – выдохнула она, резко подавшись вперед.

Лицо ее выскользнуло из полутени на свет лампы, и, не будь образ девочки-подростка разрушен задолго до этого момента, он был бы уничтожен сейчас. У ребенка не может быть таких глаз.

– А вот оно что, – сказал Михаил, – умных мы не любим? Так я еще и говорить не начинал, племянница! Хочешь, я расскажу тебе историю? Про то, как жила себе жила маленькая девочка. Ну не очень маленькая, но и небольшая – нормальный ребенок в ненормальных обстоятельствах. Наверное, девочка потеряла маму и папу. А как ребенку выжить без близких там, где и с близкими-то не выживают? Нашлись добрые люди...

Сергеев начал говорить напевно, распределяя слова и ударения в ритме падающих капель и ритме дыхания. Голос его понизился, стал басовитей и чуть дребезжал на окончаниях фраз, словно приспущенная контрабасная струна.

- ...приютили, накормили, обогрели. Там были еще дети? Так? - продребезжал он.

- Так... - прошелестел ее голос.

- Их было много. Как в саду или школе. Девочки и мальчики. Сироты. Дети, потерявшие родителей в суматохе. Все, кто шел на Север, к российской и белорусской границам. Шел и не дошел? Так?

- Так, - откликнулась она эхом.

Сергеев начал чуть раскачиваться, не сводя с нее взгляда, и увидел, как Агафья начала повторять его движения.

- Вас собирали вечером, и вы пели песни. Унылые, грустные, тягучие, как растаявшая на солнце жевательная резинка. Непонятные песни с непонятными словами. И играла музыка. Странная музыка. Да?

- Да...

Это было сказано едва различимым шепотом. Глаза ее, только что горевшие сумрачным огнем, обессмыслились и стали похожи на два куска черного стекла...

Он вышел из подвала через полтора часа, обессиленный, пустой, как выжатый лимон. Выпуская его на свет Локоть смотрел испуганно, даже сочувственно, чего уж от него ожидать было трудно. Наверху его ждал Макс, прикладывающий к своему кровавому синяку серебряную ложку, глава колонии Кирилл Осыка, серый от недосыпа и огорчения, и Татьяна с кружкой травяного чая в руках. Чай - это было здорово. Просто отлично. Но ему нужно было не это.

- Водка есть? - спросил Сергеев, садясь.

Холод и сырость подвала, казалось, проникли ему в кости. Спину крутило, болели суставы, а колени, то самое, на котором выстукивал киянкой самбу гнилозубый Чико, пульсировало под грубой тканью брюк. Сергеев понимал, что его ощущения - результат психологической отдачи, отката, последствия борьбы

с сильным противником. Но болеть меньше от этого не стало.

Осыка и Татьяна при слове «водка» посмотрели на Макса. Макс закричал, вставая, положил ложку на стол и, прихрамывая, удалился из комнаты.

Пока Пирогов ходил за бутылкой, Сергеев с Осыкой молча курили, а Татьяна быстро и без лишней суеты накрыла на стол. Потом они выпили, закусывая самодельной солониной и конской тушенкой из мятых армейских банок. Сначала втроем – мужской компанией, а когда Сергеев заговорил, то и вчетвером. И Макс пошел за второй бутылкой. А потом и за третьей.

– Это первая ласточка, ребята, – говорил Сергеев, которого водка не брала совершенно. – За ней придут другие. Там, на Севере, кто-то, а я думаю, что это военные, работает с методиками изменения сознания. Seriously работают. Благо, материала у них завалилось. Еще в 45-м из Германии и Польши – из концлагерей – кое-что вывезли. Они берут детей и обрабатывают химией, фармацевтическими препаратами, гипнозом, частично или полностью стирая личность или подменяя ее другой. У них прекрасные спецы – врачи, химики, фармацевты и психологи – и большой опыт работы. Но никогда не было такого размаха, как сейчас, когда они безнаказанны. Они ребята с юмором и прекрасно маскируются, прячутся за теми, кто решил проповедовать идолопоклонничество. Ведь все будут видеть маску, а не тех, кто стоит за ней. Они спасение друг для друга: те, кто нуждается в фанатиках, и те, кто может поставить производство фанатиков на поток.

Слушали его внимательно. Были основания прислушаться. Только один раз Осыка, ставший на протяжении разговора из бледного землистым, спросил заикаясь:

– С-с-с-лушай, Миша, а откуда ты все это з-з-з-знаешь? Она с-с-с-сказала, что ли?

Сергеев глянул сквозь него и ничего не ответил.

Такую защиту, построенную классными спецами, сломать было трудно. Даже понимая суть проблемы и владея основными приемами внушения, ходить по кругу, стучась лбом в виртуальные зеркала, можно было вечно. В лаборатории, при наличии времени и химикатов, не хуже тех, которыми пичкали Агафью во время подготовки, можно было дойти до первого отражения. Но для этого

должно было повезти, причем сказочно. А то, что он сделал там, в заросшем плесенью подвале, больше напоминало аборт, выполненный спицей, чем безупречную операцию в стерильной операционной. Он не взломал ящик, в который неизвестный доктор Менгеле упрятал сознание маленькой девочки, попавшей к нему в руки. Он всего-навсего разрушил этот ящик. Разбил одним махом все зеркала вместе с отражениями. Раздавил матрешку, так и не сумев добраться до содержимого.

Когда Агафья вошла в гипнотический транс, он лишь проверял на ней свои предположения. Не более того. Для получения ответа, как известно, надо правильно поставить вопрос. Особенно загипнотизированному человеку. Пока она односложно подтверждала его слова – все шло как надо. Да – нет – не знаю. Он вел себя осторожно, как опытный минер на минном поле: отступал в сторону, если ощущал ментальное сопротивление, возвращался назад, если полагал, что пошел по ложной ветке.

Ничего конкретного. Никаких имен, никаких названий населенных пунктов, никаких цифр. Картинка какая-никакая была, он все-таки не у новичков всей этой цыганщине учился, но все это напоминало фото, отпечатанное на засвеченной бумаге, – неясные очертания, пятна, игра света и тени, которую только опытный глаз и недюжинная сила воображения могли превратить в подобие изображения. Все и одновременно ничего.

Транс был настоящим и глубоким – точно, без обмана, Михаил даже не ожидал, что девочка так легко в него провалится. По идее, не должна была. Правда, человек, который уже подвергся гипнотическому воздействию и впадал в это состояние хотя бы один раз, дальше был уже легкой добычей для психолога-гипнотизера, но для того и существовала фармацевтика, чтобы такие эффекты «гасить». Добившись сравнительно легкой победы, Сергеев не задумался над тем, не была ли она запланированной, не скрыта ли за этой легкостью ловушка, а должен был задуматься.

Стоило Сергееву попытаться углубиться, перейдя от вопросов-подтверждений к прямому вторжению, как случилось то, о чем он только слышал. Причем не от Мангуста, Мангуст и сам в те далекие годы слушал пожилого одутловатого психолога в старомодных роговых очках и мешковатой гражданской одежде без своего обычного, скучающего выражения лица, что означало с превеликим интересом. А психолог говорил много и с удовольствием, развалившись в мягком кресле, и глаза его за толстыми бифокальными стеклами были непроницаемы.

На свете существовало немного аудиторий, в которых он мог свободно говорить о том, о чем рассказывал им.

Но слышать – это одно, а испытать на себе – совсем другое.

В какой-то момент Сергеев начал ощущать дискомфорт – как будто бы невидимая рука легла к нему на сердце и сильные пальцы, словно пальцы хирурга, погруженные в грудную полость, уверенно и безо всякой осторожности коснулись наполненной кровью, горячей плоти. Ощущение было настолько вещественным и неприятным, что Михаил на мгновение «поплыл», потеряв контакт с Агафьей, и, возможно, на свое счастье утерял. Глаза девочки, только что смотревшие на него сонно и почти бессмысленно, ожили и уперлись к нему в переносицу с почти материальной силой.

– Привет, дорогуша! – внятно сказала она мужским, неприятно визгливым голосом.

И рванулась вперед, клацая зубами, как цепная овчарка.

Сергеев прекрасно знал, что Агафья накрепко связана и дотянуться до него не сможет, но все равно шарахнулся в сторону и, не удержавшись на своем колченогом стуле, неловко завалился на бок.

– Мама, мамочка, – это был уже тонкий голосок ребенка, испуганного, беспомощного. – Мамочка, мне страшно!

Тело Агафьи, изогнутое непонятной силой, ползло к нему, словно огромный червяк. Лицо ее, испачканное грязью, кровью, покрытое ушибами, было обращено в его сторону. В глазах снова не было ни тени мысли, только дикий ужас, сметающий на своем пути все преграды.

– Помоги мне, помоги мне, милый, – красивый грудной голос зрелой женщины, невероятно сексуальный, низкий. – Я не могу больше терпеть! Помоги мне...

И пронзительно, так что у Сергеева заложило уши.

– Застрели меня! Убей!

Сергееву, взрослому здоровому мужику, прошедшему многое, стало страшно, как не было никогда в жизни. Ему показалось, что с момента, как он рухнул на мокрый бетонный пол, неловко ударившись коленом, и до того, как он исхитрился вскочить на ноги, прошла вечность. И всю эту вечность на него, извиваясь, ползло это существо с пустыми глазами трупа и разбитым в кровь детским личиком.

Он попятился, не потому, что хотел, а чисто рефлекторно. Сердце билось в горле, а тело, несмотря на царивший в подвале холод, мгновенно покрылось липкой испариной.

Сергеев понял, что происходит, но повлиять на процесс или остановить его уже не мог – тетива была спущена, стрела с шипящим звуком сошла с направляющих и стремительно неслась к цели. Блок, поставленный теми, кто готовил Агафью, сработал безупречно, так мышеловка ломает хребет неосторожной мыши, позарившейся на аппетитный кусочек сыра. Только в этом случае мышеловка была внутри мыши, и сыр был внутри мыши, и смерть мыши была заранее запрограммирована жирными котами, оставшимися в полной безопасности, там, на Севере.

Терять было нечего – он убил ее так или иначе. Изменив тактику, Михаил метнулся вперед и поймал эту безумную гусеницу руками, охватив, словно рыбак, пойманную крупную рыбу. Зубы лязгнули у самого его уха, дыхание Агафьи обжигало. Он с маху швырнул ее на осклизлую, замшелую лавку и прижал руками так сильно, как мог. Тело ее дрожало мелкой сильной дрожью так, что у Сергеева заклацали зубы.

Он попытался встретиться с ней взглядом, но не смог – голова Агафьи моталась из стороны в сторону. Она кричала, выла разными голосами, разбрасывая во все стороны клочья идущей изо рта пены.

Тогда он придавил ее грудью, зажав голову ладонями, и провалился взглядом в два бездонных колодца, на дне которых плескалось густое, как сырая нефть, безумие.

– Агафья, – позвал он, леденея от ужаса, и понял с абсолютной ясностью, что проиграл окончательно и бесповоротно. Ощущение смерти, находящейся на расстоянии дыхания, было настолько острым, что все, испытанное раньше,

показалось главой из детского авантюрного романа. Наверное, это было связано с тем, что сознание самого Сергеева еще минуту назад было открыто настежь – он и не представлял по сию пору, что может так испугаться.

– Меня звали Анастасия, – выдохнула она на грани слышимости и вновь застучала зубами, словно кастаньетами.

Скрученное изолентой тело девочки было твердым, как базальтовый валун. Казалось, что Сергеев слышит шум рвущихся мышечных волокон. Запах химии и фекалий, исходящий от нее, стал совершенно нестерпимым, настолько, что к горлу Михаила подкатила волна рвоты.

– Прощай, дорогуша, – сказала она уже знакомым скрипучим мужским голосом, и в тот же момент ее корпус и голова, зажатая в ладонях Сергеева накрепко, немислимым образом двинулись в разные стороны. Тело – по часовой, голова – против часовой стрелки. Негромко, словно пистолетный выстрел в лесной чаще, прозвучал хруст ломающихся позвонков. И камень в его руках превратился в желе. В глазах Анастасии, превращенной в Агафью, последний раз шевельнулось безумие и все погасло. Лампочка сгорела, комната, в которой жила искалеченная душа, погрузилась во мрак.

От обмякшего трупа не пахло, а уже воняло так, что Сергеев, вскочив на ноги, оросил и мертвое тело, и скамейку, и пол вокруг густой, как украинский борщ, обильной рвотой, вырвавшейся из недр желудка плотной струей.

Что он мог объяснить Осыке? Рассказать о том, что когда-то проходил обучение ментальным технологиям? Что такие же людоеды, как те, что, по его предположению, калечили ребенка, когда-то учили и его?

Да, теперь это все можно было рассказать. Без ущерба себе – кого сейчас интересует, кем ты был в прошлой жизни? Никого. Прежняя жизнь кончилась в тот момент, когда лопнула с громоподобным звуком подпорная стена Киевского водохранилища и миллионы тонн воды потоком обрушились вниз, уничтожая разницу между богатыми и бедными, благородными и подлыми, добрыми и злыми, людьми и нелюдьми.

Ему было очень легко строить предположения. Более того, он был почти уверен в их истинности. Слишком хорошо ему был известен мир нелюдей, где за идею,

деньги или просто по капризу власть имущих превращали человека в ничто.

Но что можно объяснить людям, сидящим с ним за одним столом?

Сергеев взял в руки кружку с водкой, вылил в глотку, словно воду, и произнес, глядя перед собой:

– Она не сказала почти ничего. Но вполне достаточно, чтобы я мог о многом догадаться. Упокой, Господи, ее душу!

– Ты что, убил ее? – выдавила из себя Татьяна и вся сжалась, как от удара, в ожидании ответа.

Михаил покачал головой.

– Я ее не убивал.

Макс закашлялся и повесил голову, избегая сталкиваться с Сергеевым взглядом.

– Ее звали Настя, – проговорил он тихо, но в наступившей тишине казалось, что он чеканит слова, словно диктор. – Это она успела сказать. Так и напишите на кресте – Анастасия.

– Е... твою мать, – выдавил из себя Пирогов, подняв от пола полные слез глаза, – это ж дети! Разве можно так, Сергеев? Разве ж так можно?

Он так и не смог понять, что на Ничьей Земле можно все.

И когда мальчишки, переделанные Агафьей, замороженные, как лягушки питоном, пришли ее отбивать, едва не погиб от их рук. Есть разновидность людей, которая физически не может причинить вред детям. Сергеев, на счастье Пирогова, к этой категории не относился.

Одного из мальчишек, раненного в бедро, Сергеев смог «почистить». Второго пришлось застрелить, иначе умер бы Макс.

Это был первый случай появления детей Капища в Ничьей Земле. За Агафьей-Анастасией действительно пришли другие. Они появлялись в дальних и ближних колониях, неся на теле татуировки в виде свастики – древнего знака плодородия и эмблемы фашизма. Сергеев знал несколько поселений, полностью уничтоженных детьми, и еще несколько, сильно от них пострадавших. Каждый год с Севера шли новые и новые посланники, несущие хаос и смерть.

Методы тех, кто их производил, становились все совершеннее. Исчез странный и неприятный запах от тел, они научились не отличаться от любого другого подростка, пока это было необходимо. А «легендирование» их появления в колониях стало настолько подробным и искусным, что даже если бы Сергеев не имел уверенности в том, что в этом проекте замешаны военные, то после прослушивания парочки историй убедился бы, что уши, как две капли воды похожие на уши его бывшей Конторы, торчат из проекта, словно пугало посреди ровного поля.

Сейчас его не удивляло то, что Госпиталь испытал на себе удар. Скорее, он был поражен тем, что дети появились здесь так поздно. Кем бы ни были те, кто посылал их в Зону совместного влияния, а Сергеев рано или поздно надеялся с ними встретиться на узкой дорожке, их намерения и цели экспериментов были достаточно понятны. Помимо определенной научной ценности методик программирования личности, которые они отрабатывали на «бесхозном» материале, явно просматривалось чье-то высокое намерение наводнить Ничью Землю подконтрольными агентами.

Ресурсы, оставшиеся на территориях, как ни крути, были ограниченными. На сколько еще хватит того, что оставил после себя потоп? Десять, пятнадцать лет? Даже если учитывать малочисленность населявших ЗСВ колоний и небольшой приток людей извне. Даже если учитывать убыль, язык не поворачивается назвать ее естественной, и отсутствие рождаемости как таковой.

Контрабандой вопросы снабжения не решить, хотя существует она с негласного разрешения и по финансовой заинтересованности всех трех сторон – это Сергеев понимал превосходно. Поручи ему кто-то охранять периметр Зоны, и с нелегальной торговлей было бы покончено через неделю.

Речь тут шла не о широкомасштабной интервенции, не о локальном захвате ареала обитания с помощью агентов влияния, способных создавать мобильные группы из подсобного человеческого материала. Просто отличный военный

эксперимент. И перевербовать таких агентов и членов их групп нет никакой возможности, и переловить всех не получится. Эдакие негласные боевые учения, испытания нового вида совершенного вооружения. Учения, на которых не надо думать о безопасности личного состава. Никто никогда ничего не узнает и не докажет.

И ведь пишет кто-то статейки в умные научные журналы, без деталей проведения экспериментов, исключительно по их результатам. Умные, наверное, статейки. Написанные сложным, совершенно непонятным для непосвященных языком. Статьи эти, конечно, абсолютно аморальны и аморальными людьми написаны, но на их научную ценность это никак не влияет.

Если уж у прежних властителей хватало совести испытывать на собственных солдатах атомное, химическое и биологическое оружие, то уж такие локальные опыты над не нужными никому детьми и изгоями общества – просто образец гуманности. Орденами впору награждать, денежные премии выписывать за проявленный в ходе исследований гуманизм.

«Ох, – мечтательно подумал Сергеев, – обнаружить бы это осиное гнездо! Оно тут, в Зоне, рядом с северной границей – и гадать-то нечего. Обнаружить и выжечь каленым железом. В два ствола мы с Молчуном не справимся, конечно. Но Равви не откажется поучаствовать, и в Казацком Курене мне десяточек-другой выделят. Тут главное – удержаться, чтобы этих ребят в белых халатах за яйца по осинам не поразвешивать. Хотя чего тут удерживаться? Может, за яйца по осинам – это еще чересчур гуманно? Может, чего поинтереснее придумать надо, чтобы другим неповадно было?»

Горячая вода, в которой он плавал, вместо того чтобы приводить его в умиротворенное состояние, просто заставляла кровь в жилах двигаться быстрее – он поймал себя на том, что почти не прислушивается к тому, что говорят Красавицкий и Говорова. Воспоминания о каневских событиях и смерти Агафьи, прошедшие перед его глазами за последние минуты, были не из приятных. Но у кого из здесь присутствующих есть приятные воспоминания о последних годах? Разве что совсем далекие. Детские, например. Или те, которые касаются допотопных времен.

Сергеев поймал себя на слове «допотопных» и невольно усмехнулся.

Допотопные. Они все – допотопные. Как мамонты. Как динозавры. Даже Молчун. Самый младший и самый несчастливый из них. Выросший здесь, за колючкой. У него и детства-то не было – сразу же началась борьба за выживание. Ему-то что вспоминать?

«А может, – подумал Михаил, уже различая голоса, – это и хорошо, что воспоминаний мало? Не с чем сравнивать, а значит, нечему завидовать? Но Молчун помнит руки матери. Помнит вкус молока, вкус нормальной, несуррогатной еды. И это хорошие воспоминания. Он все равно помнит, что жизнь не была такой, как есть сейчас. И, значит, страдает от ее несовершенства».

– Спишь, засранец? – спросила Говорова громко. – Интересно, в каком месте моего рассказа ты уснул?

– Уснул? – переспросил Сергеев, выныривая из полудремы. – Нет, Ира, я не спал. Я дремал и все слышал.

– Оставь человека в покое, – попросил Красавицкий, – главное, чтоб не утонул. Ты же не собираешься утонуть в бочке, Сергеев?

Молчун погрузился в воду так, что над краем остались только глаза, потом вынырнул и громко фыркнул, отчего вода вылетела у него изо рта широким веером, – вероятно, он представил Сергеева тонущим в бочке и это зрелище показалось ему смешным. Он снова нырнул, уже с головой, и через миг возник над краем – мокрая, неровно подстриженная челка прилипла ко лбу.

– Ира, – примирительно произнес Сергеев, – я действительно совсем не спал, вернее, не совсем спал. И если пропустил, то самую малость...

Говорова неожиданно тихо рассмеялась и, раскуривая очередную сигарету, отчего вокруг ее силуэта на фоне темного окна возник красноватый ореол, сказала, не оборачиваясь:

– Глупости все... Ты устал, Миша, я понимаю. Просто... Просто мне жаль...

Она пожала плечами, чисто по-женски передернула, и Сергеев, который не видел в этот момент ее лица, почему-то четко представил, как она закусила верхнюю губу.

– Мне ребят жаль. Мне Головки жаль, который в них душу вкладывал. Мне Эдьку, идеалиста сраного, до слез жалко.

– Я же рассказывал о том, что это может случиться, – сказал Сергеев. – Вы не первые и, к моему огромному сожалению, не последние. Поверь, Ира, мне тоже от этого всего больно...

– Сколько их было? – спросил Красавицкий и откашлялся.

– Кого? – спросил Сергеев, изображая наивность чрезвычайно старательно, хотя прекрасно знал, о чем спрашивает Тимур, глядя на него исподлобья.

– Тех, кто бузил. Ты, кажется, так спросил, Миша? Кто это там у вас бузит? Вот я и спрашиваю – сколько их было?

Сергеев с тоской посмотрел на Молчуна. Тот мотнул головой, отчего челка метнулась к правому виску, но потом опять припала ко лбу, и показал Красавицкому четыре пальца.

В комнате воцарилась тишина – только звук потрескивающих в огне поленьев и постукивание ветки об оконное стекло.

– Значит, не все, – сказала Говорова, как отрезала. – Ну что ж, как я понимаю, ты избавил нас от части серьезной проблемы. Но вторая ее часть еще бегают по развалинам.

– Кошка эта египетская жива, – подтвердил Михаил. – Там была девочка, но под твое описание она не подходит.

– Вот черт, Маринка! – Лицо Красавицкого сморщилось, он страдальчески поднял брови домиком. – Эдик так надеялся ее поймать и «почистить».

Он посмотрел на Говорову с растерянностью.

– Как же так, он же ее днем и ночью искал...

– Хорошо, что не нашел, – сказал Сергеев, – а так – не было б у вас Гринберга. Сколько их еще осталось?

– Трое, – Красавицкий потер лоб, словно стараясь смахнуть с него печальные мысли. – Еще трое. Варвара... И двое наших воспитанников.

– Бывших наших, – вмешалась Ирина. – Теперь они ее, а не наши.

– Вооружены? – спросил Сергеев.

– Думаю, что да, – отозвался Красавицкий, – они перед уходом оружием запаслись.

– Видел. Те, с которыми столкнулись мы, были не с пустыми руками. Упакованные ребята. Что, склад не охранялся?

– Охранялся, – сказала Говорова. – Один в тяжелом состоянии, не добились впопыхах. Одного похоронили.

– Весело живете. Нечего сказать.

– Да уж, обхохочешься, – Ирина невесело усмехнулась, гася в импровизированной пепельнице очередной окурок. – Ладно, отмокли – так теперь мойтесь, вытирайтесь и на выход. Ужинать. Там и поговорим. Ребятишки эти – наша проблема. Нам и решать. Тебе за помощь спасибо.

«Интересно, – подумал Михаил, наблюдая, как Говорова зашагала к выходу, – насколько изменилась диспозиция. Раньше все смотрели в рот Тимуру – и он был хоть куда! Жесткий, решительный, смелый. Наверное, он и остался таким же, но сегодня первую скрипку играет Ира. И похоже, что Красавицкий не старается вернуть себе первенство. Неладно что-то в Датском королевстве».

Мыло было настоящим. Пахнущее прошлыми временами, пенистое, нежное мыло. Сергеев намылился, стоя на дощатом помосте, помыл спину Молчуну. Тела

у них обоих были, как бы это сказать помягче, непрезентабельными – синяки, ссадины, ушибы. У Сергеева плюс ко всему на плече, как раз там, где располагается лямка рюкзака, была небольшая потертость с точками лопнувших сосудов вокруг. У Молчуна на боку выделялась большая царапина – неглубокая, но длинная и багровая. Похожая на след от хлыста.

Михаил пощупал колено – ныло страшно и даже чуть-чуть припухло, но сгибался и разгибался сустав без щелчка, что внушало определенные надежды на то, что опухоль спадет и все обойдется без последствий. Если, не дай бог, сустав воспалится... Сергееву о таком ходе событий и думать не хотелось. Сколько придется лежать? Минимум недели две, если не больше. А времени на себя не было и не намечалось.

– Ребра покажи... – попросил он Молчуна.

Молчун скривился, но локоть послушно задрал. Подошедший Красавицкий оглядел бок и смазал рану резко пахнущим антисептиком. Царапина была так себе – поганая царапина, но кости целы.

– А ты коленку покажи, – сказал Тимур. – Давай, давай, героический ты наш. Показывай. Я же помню, что у тебя там вместо чашечки конструктор «Лего».

Сергеев сопротивляться не стал: чего уж сопротивляться, когда доктор требует?

Красавицкий коленку пощупал, поцокал языком, заставил несколько раз согнуть и разогнуть ногу, а потом резюмировал:

– Хорошая работа. Но я бы на твоём месте дал бы ей покой. Недельку. Погостишь?

– Покой нам только снится, – отшутился Сергеев, натягивая штаны. – Некогда лежать, Тимур. В следующий раз обязательно останусь. Вот лекарства вам привезу и погощу чуток. Вы списки составили?

– Угу. Составили. Много чего надо.

– Все не обещаю, но запасы ваши пополню, если Бог даст.

– Хороший ты человек, Сергеев, – сказал Тимур серьезно.

– Обычный.

– Наверное, – согласился Красавицкий. – Обычные – они тоже разные бывают. Я уж за жизнь свою посмотрелся. Знаешь, когда человек остается человеком в нечеловеческих условиях – это чудо. Ведь тут что главное – выжить. Вот и выживает кто как может. Для того чтобы быть хорошим, необязательно быть святым.

– Я тебя не удивлю, если скажу, что святых не бывает? – спросил Сергеев. – Не видел никогда.

– И я не видел, – сказал Тимур, глядя на него внимательно. – Не довелось. Нет ни ангелов, ни демонов. Ты хороший человек, Миша, хоть и делал в жизни разное.

– Мы с Молчуном сегодня похоронили четверых. Четверых детей.

– Другой выход был?

– Был. Лечь там самим.

– Значит, другого выхода не было.

– Это были дети, Тимур.

– Ангелы и демоны, – повторил Красавицкий. – Мне жаль их, Сергеев. Маринку жаль, тобой убиенную, пацанов жаль. Но если бы, не дай бог, убили бы тебя, я бы оплакивал твою смерть куда горше. Я не скажу тебе – не переживай. Ты все равно будешь себя казнить – иначе не можешь. Мне, конечно, жаль тех, кого нет, но особенно тебя, Миша.

– Спасибо, – сказал Михаил. – Мне тоже жаль, Тимур. Ты режешь, чтобы спасти. И я режу, чтобы спасти. Но разницу между тем, что мы делаем, видно невооруженным взглядом.

Он невесело усмехнулся и подхватил с пола рюкзак.

– К психоанализу я сегодня не способен. Кровь и грязь мы смыли. Где у вас тут кормят хирургов общества?

Молчун, чистенький, розовый, отчего особенно похожий на благополучного ребенка, если бы не взгляд темных, настороженных глаз, стал рядом, не сводя с Красавицкого взгляда.

– Да, – Тимур потер ладонью лоб, а потом покрасневшие глаза. Было видно, что он тоже очень устал и почти валится с ног. – Психоанализ действительно ни к чему. Я понимаю, что разговор этот тебе нужен, но... Дело твое. Ладно, считай, что руку я тебе предложил. Захочешь опереться – я всегда рядом.

– А сердце? – спросил Сергеев, сохраняя серьезное выражение лица. – Сердце тоже?

– Да ну тебя! – Красавицкий махнул рукой и улыбнулся.

– Тебя точно покормить надо. Чувство юмора у тебя такое же недокормленное, как ты сам. Без сердца обойдешься. Скажи, с тобой можно хоть когда-нибудь говорить серьезно?

Они вышли в коридор и пошли к лестнице, ведущей на цокольный этаж. Девочка-медсестричка и ее поклонник провожали их глазами. В палатах было спокойно и тихо. А вот на лестнице слышались возбужденные голоса. Несколько мужских, в одном из них Сергеев сходу опознал фальцет Гринберга, и один женский – мелодичный и громкий голос Иры Говоровой. Голоса-то он опознал, а вот понять, что говорят, было невозможно – слова сливались.

– Что там такое? – поинтересовался Тимур, взволнованно крутя головой, как будто Михаил мог ответить на этот вопрос. – Что это там у нас происходит, а?

Молчуну шум тоже не понравился. Сергеев заметил, что парень подобрался, а левая его рука легла на боковой карман рюкзака, где он всегда носил короткоствольный револьвер, добытый как трофей в одной из схваток. Для ближнего боя этот никелированный огрызок был самое то, и обращаться с ним Молчун умел превосходно.

Заметив движение парня, Михаил чуть заметно покачал головой: «Не надо!» Молчун послушно убрал руку.

Под лестницей, в вестибюле, выложенном битой дешевой плиткой лет тридцать назад, действительно творилось что-то не то. Не опасное, нет, об опасности и речи не шло. У самых входных дверей кто-то лежал навзничь, на полу рядом копошилась «куча мала». Виднелся в полумраке странного вида короткоствольный автомат с отсоединенным магазином. Сам магазин валялся ближе к подножию лестницы.

При приближении стало видно, что навзничь лежит тело, одетое в дорогой зимний вариант защитного «хамелеона» российского производства. Лица не было видно – не хватало света и мешал капюшон. По полу змеился темный ручеек крови, рядом, похожая на оторванную кисть, валялась снятая перчатка. Над раненым, а то, что это не труп, было видно по слабым движениям ног, хлопотала Ира и один из охранников.

Гринберга не было видно – судя по тому, что и не было слышно, он побежал за помощью, – в конце коридора эхо еще повторяло отзвук чьих-то быстрых шагов. Красавицкий на раненого отреагировал, как собака Павлова, – сработали рефлексы: бежать и спасать. Спустя доли секунды он уже был рядом с Говоровой, и куда только усталость девалась?

Сергеев с Молчуном подошли еще ближе. Охранник, отодвинутый в сторону Красавицким, опять встал у дверей, но автомат уже не висел на плече, а был взят наперевес. Из полумрака выскользнули Гринберг и еще какой-то заспанный парень лет тридцати пяти, смутно Сергееву знакомый. Гринберг Михаилу кивнул, но времени на приветствия не было. Судя по растущему кровавому ручейку, ранение было серьезным.

Красавицкий с Говоровой перевернули тело, голова раненого безжизненно мотнулась. Лицо было не разглядеть – черты закрывал зимний шлем: вязаная полушерстяная «омоновка» с фабрично обработанными на оверлоке отверстиями для глаз и рта. Ранений было несколько. Огнестрельные пришлись в бедро и голень левой ноги, особенно кровило бедро, но благо хоть не фонтанировало, как при попадании в артерию. Из плеча же торчал заточенный, как конструкторский карандаш, стержень. Приглядевшись, Михаил опознал в нем электрод. Куртка вокруг него была пропитана темной кровью, как промокательная бумага.

Красавицкий вполголоса выругался. Затрещала разрезаемая ткань.

- Да осторожнее ты, - прикрикнул Гринберг.

- А ты сделай по-другому, - ответила Говорова раздраженно. - Или ногой займись, командир!

- Тише! Не толкайся! - это уже Тимур. - Вот, блин, кровит. Носилки где? Это на коленке не заштопаешь.

Опять Гринберг:

- Сейчас будут, Тимур! Ира, что там с плечом?

- Насквозь, сочится сильно. Но рана закрыта. Только с этой палки сыпется какая-то дрянь!

По коридору галопом промчались двое молодых крепких ребят с каталкой. За ними, невероятно быстро переваливаясь с боку на бок, словно медведица, идущая на задних лапах, двигалась пожилая полноватая женщина в белом халате, с подвязанными косынкой волосами.

- Ага! - сказал Красавицкий уже спокойнее. - Доставка пиццы! Какая операционная готова, Лариса Матвеевна?

- Вторая!

- Отличненько! Ну-ка! Взяли, положили!

На пол упала еще одна перчатка. А потом Ира сняла с раненого «омоновку», и Сергеев едва не выругался во весь голос. На каталке, потеряв от кровопотери свой обычный оливковый цвет лица, лежал без сознания не кто иной, как господин Али-Баба.

Именно для него и тащил Сергеев за четыреста километров герметичный, напоминающий термос контейнер, хранящий в себе смертельно опасный

серебристый порошок. Именно он должен был доставить на Ничью Землю самый крупный за все годы груз медикаментов и оборудования. И именно его кровь лужей растекалась по колотой плитке вестибюля.

«Твою мать!» – подумал Сергеев.

Носилки с грохотом покатались по коридору.

Глава 4

Блинов объявился в Киеве только в начале июля.

До этого было впечатление, что Владимир Анатольевич просто испарился, перейдя жить в эфир, как существо высшего порядка, несмотря на свое далеко не изящное телосложение.

Никто, во всяком случае официально, не знал, куда он делся. Столичный бомонд пробавлялся слухами, партийное руководство хранило гробовое молчание, не размениваясь на комментарии. Поведение товарищей по партии было, по сути, совершенно правильным, что зря языком трепать, когда человека спрятать надо? Но давало почву для разгула безудержной фантазии как в депутатских, так и в бесцеремонных околодепутатских кругах. Окрашенные в радикально желтый цвет акулы пера рыли землю носом, но кроме натужных и неправдоподобных версий, придуманных, скорее всего, после пары стаканов или понюшки возбуждающего воображение белого порошка, ничего не выкопали. Но Сергееву от их любопытства крепко досталось.

Он, будучи человеком совершенно непубличным в силу собственных профессиональных и человеческих качеств, чувствовал себя как созревшая гимназистка, у которой на первом в жизни балу из декольте вывалился бюст.

Покушения, причем два подряд, наделали такого шума, что Сергеев первые несколько недель был «невестой на выданье». Отбиваться от журналистов было сравнительно несложно, тем более что Вика в этом вопросе профессиональной солидарностью пренебрегала и защищала Михаила от любопытных коллег, как

гарнизон Брестскую крепость.

Неожиданно для Сергеева на него стал с некоторым испугом поглядывать генерал Криворотов. Кто и что ему наговорил, связано ли это было с романом с Плотниковой, о котором уже знал весь Киев, или с событиями в Феофании и Борисполе, но золотопогонный шеф при личных встречах и на совещаниях косил на него глазом, как почуявшая волка лошадь.

Бояться генералу в общем-то было чего: от Плотниковой мало кто уходил неоципанной, а ставшая всеобщим достоянием связь его зама с известной скандальной журналисткой, показавшей себя как личный генеральский враг, оптимизма Криворотову не добавляла. И еще дружба Сергеева с одним из первых лиц всесильной НДПУ делала его вполне реальным претендентом на первое кресло министерства. А к креслу этому генерал прикипел всей душой или, что более походило на правду, тем местом, на котором сидел.

Криворотов явно чувствовал себя одиноким рыцарем, очутившимся в кольце врагов, – занимал он свою должность, как креатура партии «Вече», принадлежащей бывшему премьеру, а господин Кононенко уже с февраля обитал не в высоких коридорах власти, не в рядах парламентской оппозиции, а в иммиграционной тюрьме города Сан-Франциско.

Партию Ивана Павловича растащили на запчасти бывшие верные соратники, причем, вопреки прогнозам пессимистов, самый большой кусок, назвавшийся «Блок Региональный выбор», отхватила Регина Сергиенко, внезапно взлетевшая на невообразимую высоту. В этом Регине Николаевне изрядно помогли как плохая память и опыт общения с журналистами, так и весьма серьезные уступки в сфере бизнеса. Внешне такой отход от пропремьерских позиций выглядел, может быть, и не очень морально, но в политике это называется не предательством, а предвидением. Вслед за Региной подобный фортель выкинули многие из игроков команды Ивана Павловича, раньше считавших за счастье откусать крошек с премьерского стола, но...

Сдавать партнера надо изящно, а для этого не у всех хватает таланта. То, что у госпожи Сергиенко выглядело как воинский маневр, обеспечивающий гениальное перестроение позиций на линии фронта, у остальных смотрелось как позорное бегство, и, будь у Ивана Павловича в ведении заградотряды, шансов выскочить у бывших соратников не оставалось бы.

И только самые одиозные, лично преданные Ивану Павловичу партийцы остались под приспущенными знаменами экс-премьера, скорее в надеждах на призрачную благодарность после его возвращения, чем в расчете на реальную политическую деятельность.

Но опасаться Сергеева Криворотов мог в последнюю очередь. Наоборот, генерал, если бы он взял себе за труд задуматься, должен был посчитать Михаила Владимировича своим спасителем. Не будь рядом Сергеева – Плотникова давно разорвала б его на части.

Тему генеральских гешефтов с эмчээсовской землей Сергеев и Вика при встречах не поднимали – место работы Михаила было нейтральной территорией, на которой боевые действия не велись.

С перепуга или из осторожности Сергееву перестали выделять часть административной работы, всячески ограждали от командировок и старались не давать вникать в текущие дела. Его служба явно превращалась в синекуру – без доступа информации, безо всякой ответственности, но зато с неплохой зарплатой, премиями и прочей атрибутикой вельможного существования. Вплоть до персонального водителя с лицом филера охраны, возившем его повсюду на темно-синем «Вольво-960» и сообщающем Криворотову обо всех передвижениях Михаила Владимировича. И выпуклой со всех сторон секретарши в короткой, как девичья память, юбке и с влажными и туповатыми, воловьими глазами, постоянно делавшей Михаилу незавуалированные нескромные предложения.

Она смотрела на Сергеева, как мышь на сыр, и постоянно облизывала ярко накрашенные, полные губы. Вызывающая сексуальность отнюдь не мешала ей писать отчеты о посетителях шефа и, как неоднократно замечал Сергеев, подслушивать некоторые телефонные переговоры.

Ежедневно получающий все эти материалы Криворотов ничего лучше, чем загрузить Сергеева бессмысленной работой, не придумал и, пряча бегающий взгляд, лично поручил Михаилу разработку концепции и написание докладной записки в адрес президента о создании спецназа МЧС.

Указ, готовящийся в администрации президента, был аналогичен тому, что рассматривался в российской Думе – в этом была «фишка» внешняя. Внутренняя же заключалась в том, что собственная силовая структура позволяла

чувствовать себя полностью безнаказанным.

По глубокому убеждению Сергеева, такое подразделение МЧС было нужно, как рыбе зонтик. Все равно что создать спецназ при Министерстве образования. Но с начальством спорить он почитал занятием бессмысленным и посему записку старательно писал, со скоростью сто знаков с пробелами за день, но все же писал.

В его кабинете стоял современный лэптоп, подсоединенный к толстой, как баобаб, выделенной линии, мир был огромен, интересы Сергеева разнообразны, кофе секретарша готовила неплохо, сигареты и сигариллы в ящике стола не переводились. И главное, Сергеева никто не беспокоил. Если честно – дни проходили незаметно, скучать Михаилу Владимировичу было некогда.

Так что время, прошедшее между майскими событиями и новым появлением Блинчика в столице в самый разгар июльской жары, прошло практически незаметно.

Киев задыхался, растекался и терял форму, словно выброшенная на берег моря медуза. Горячее марево висело над дорогами и тротуарами. Градусники зашкалили за тридцать в тени, асфальт плавился, застрявшие в безумных пробках киевские водители снимали рубашки и тут же, в салонах раскаленных машин, лили себе на голову разогретую почти до кипения минеральную воду из пластиковых бутылок.

Часть горожан, словно бегемоты, залезали по самые глаза в теплую днепровскую воду, другие сидели по домам, зашторившись. Те же, кому от исполнения своих служебных обязанностей деваться было некуда, старались передвигаться из конца в конец города на метро – там еще хоть как-то можно было дышать.

Те, кто был побогаче, от жары не страдали. За затененными стеклами их автомобилей работали в полную силу климатические установки, в домах и городских квартирах гудели системы приточного кондиционирования и озонирования воздуха, в офисах трудились бесшумные сплит-системы. Жара, конечно, мешала и им, но исподволь. Она не душила, но давала знать о своем существовании. Там, за тонированными стеклами, но не ближе. Жара не могла ни испортить примерную белизну дорогих сорочек от Кардена, ни придать

легкий запах пота и женского тела платьям от Версаче и деловым костюмам от Хелмана.

И хотя Киев начинал тяжело дышать уже к десяти часам утра, некоторые его жители оставались свежими и благоухающими дорогими парфюмами до самого вечера.

В кабинете у Сергеева работал в полную силу белоснежный «Самсунг», и прорвавшееся сквозь жалюзи солнце попадало на полированную поверхность стола чуть примороженное струями охлажденного воздуха. Тихо, словно робкий комар, гудел вентилятор ноутбука, из приемной доносилось шипение кофеварки и запах свежемолотого кофе. Такие минуты примиряли Михаила с его службой – слово «синекура» обретало плоть и кровь.

Сергеев получил звонок от Блинчика ровно в 10.31 7 июля, во время поглощения третьей чашки кофе.

Даже по голосу надежды национал-демократии было слышно, что Владимир Анатольевич жару не любит, от нее страдает и не может перенести даже короткого пребывания в столь нечеловеческих условиях.

– Это я, – простонал Блинчик в микрофон. – Только что прилетел и еду в город. Боже мой, Сергеев, как у вас жарко!

Если судить по тону, Блинов в это время, едва передвигая опухшие ноги, тащился по Синайской пустыне, обратив воспаленные, гноящиеся глаза к наполненному зноем небу анилинового цвета, а не возлегал на кожаных сиденьях роскошного авто, летящего по Бориспольскому шоссе со включенными спецсигналами.

– Рад тебя слышать, Володя, – сказал Сергеев довольно холодно, – с возвращением!

Конечно, Сергеев догадывался, куда делся Блинчик, для этого не надо было проявлять выдающихся детективных способностей. А уж после звонка Рашида недели три назад тайное стало для Михаила окончательно явным, хотя Раш не произнес ни слова лишнего и вел себя как первоклассный конспиратор.

Сергеев не обиделся на то, что Рашид и Блинчик скрывают от него местонахождение временного убежища, – обижаться на разумные предосторожности было грешно. Мало ли кто мог сидеть на прослушивании линии его мобильного телефона? Но ощущение, что школьный приятель, нашкодив, скрылся, оставив его один на один с возможными неприятностями, что и говорить, присутствовало.

– И я рад, – отозвался Блинов. – Как ты?

– Жив.

Блинов рассмеялся и зашипел от боли.

– Ой, не смейся. Ребра еще болят. Какие планы?

– Громадье, – так же лаконично ответил Сергеев.

– Я вот что думаю, – сказал Блинов, не замечая сарказма, – может, посидим у меня на даче? Я еще не очень ходячий. Пришлю за тобой машину...

– Лучше танк, – произнес Сергеев, не меняя интонации, – или БТР. Мне так будет спокойнее.

Блинчик захохотал, заохал, застонал и вновь попросил жалобно:

– Не смейся ты! Я же говорил, ребра еще болят. Seriously, Умка. Надо поговорить. И Раш со мной прилетел. Ты что, обиделся?

– На что мне обижаться?

– И я думаю, что не на что! Я твой должник, Умка. И без шуток!

– Хорошо, что ты не говоришь: «Проси, чего хочешь!»

– Проси, чего хочешь, – сказал Блинов, – и, если это будет в моих силах, я это сделаю.

– С ума сойти! Ты, случаем, не золотая рыбка?

– Я же сказал тебе, что не шучу!

«Если бы этот разговор слушал Криворотов, – подумалось Сергееву, – его бы точно хватил инфаркт. Или инсульт. Или все сразу».

– Брось, Блинчик, что я такого сделал?

В трубке зашелестело, и раздался голос Рашида. Сладкий, как дыня, вкрадчивый, как шепот дервиша.

– Умка, ты что это волнуешь Володю? Ему нельзя волноваться! Лучшие врачи отпустили его под нашу с тобой ответственность!

Говорил он с легким восточным акцентом, именно с таким, каким представляют его люди, никогда не бывавшие на Востоке. Словно Абдулла из «Белого солнца пустыни».

– Ты приезжай, – продолжил Рахметуллоев вкрадчиво, – посидим втроем. Нам есть о чем поговорить, поверь. Если ты сильно занят – скажи, мы подождем, сколько надо...

Чувствуя себя девицей на выданье, к которой пришли надоедливые сваты, Сергеев согласился.

Тут же в трубке возник Блинов, уже не такой томный, как минуту назад, а гораздо более деловой и собранный.

– Ты где?

– В министерстве, где еще?!

– Я высылаю машину. Тебе перезвонит Васильевич и скажет, что за тачка и где будет ждать. Я буду страшно рад тебя видеть! Как Раш, а? Уболтал тебя в два счета! Восточный человек!

– Восток – дело тонкое, – неожиданно высказал банальность Сергеев и поймал себя на том, что сделал это с мангустовской, менторской интонацией.

Именно он так говорил: «Восток – дело тонкое!» – и странно, словно свинья пяточком, поводил носом. Сделай это кто другой – кадеты смеялись бы до потери сознания, а, глядя на Мангуста, делать этого совсем не хотелось. Совсем. Не располагал Мангуст к шуткам над собой.

Сергеев повел носом из стороны в сторону, и у него получилось!

– Что да, то да, – отозвался Блинов. – Сегодня чисто мужской компанией – без баб. Я еще не боец, чтобы выступить по-настоящему. Да и разговор серьезный намечается, а дела и бабы совмещаются неважнецки.

«Дипломат, – подумал Михаил, – ну просто тонкач! Макиавелли. Столько фигур исполнить, чтобы я приехал один – с ума сойти можно!»

А вслух сказал:

– Я уже понял, что сегодня мы будем втроем.

– Точно. Жаль, конечно, я Раша принять обещал по-людски, но это через месяцок, не раньше. У меня еще на руке и ноге лангетки. И хожу я с палочкой – прям Командор. Как там Вика? – спросил он безо всякого перехода.

– Ничего. Не скажу, что по тебе скучала, но будет рада, что ты жив и здоров.

– Привет ей передай! И скажи, что первое интервью на родной земле я дам ей!

– Ты не представляешь себе, – сказал прочувствованно Сергеев, – как она обрадуется!

– Ты не ехидничай – обрадуется! Эксклюзив. Сидорчук, я и она! Все! И пусть мир подождет! Понял! Васильевич тебе перезвонит! Ждем!

«Значит, с ним прилетел Раш, – подумал Сергеев, вешая трубку. – Интересно, не по мою ли душу? Несмотря на риски, несмотря на то что, по словам Блинова,

именно он перекупил тот самый контракт, из-за которого Блинчика едва не зажарили два раза. Не скажу, что это поступок безрассудно смелого человека, но и целесообразной такую поездку не назовешь. Очень сильно надо ему что-то, если уж Рахметуллоев приезжает в страну, где его ждет толпа недружелюбно настроенных торговцев оружием, которых он, можно сказать, кинул... Хотя нет, кинул их, скорее уж, Блинов. Просто в таких вот ситуациях обиженная сторона не сильно разбирает, кто и где виноват, – „мочат“ всю цепочку, до последнего дилера, чтобы другим на вечные времена неповадно было. Надо будет поинтересоваться, живы ли еще Базилевич и Кузьменко, которые, по словам Блинчика, об этой сделке и договаривались с пострадавшей стороной. Уж кому-кому трудно позавидовать, так это им. Есть сомнение, что они до сих пор живы. А если живы, то интересно, как удалось объясниться?

Блинов отлежался, зализал раны и вернулся на родину. Скорее всего, чтобы принять бой. Не тот у него бизнес, чтобы долго отсутствовать. Слишком велики потери от срывов. Слишком тяжелы разрывы связей. Те, кто метил в Блинова, знали, что делают. Конечно, убей они Владимира Анатольевича или покалечь так, чтобы он вышел из дела на длительный срок, и рухнула бы, как карточный домик, цепочка, основанная на личных связях и личном же доверии. Не цепочка между продавцом и покупателем – тут волноваться нечего, покупателей много. А цепочка внутри страны – между бизнесменами от армии, бизнесменами от политики, бизнесменами от криминала... Она бы рухнула всенепременно, связи ненадежные были бы зачищены со всей суровостью, и на ее месте возникла другая, или несколько других, но в них Блинчику, попытайся он вернуться в дело, уже не было бы места. И все те связи и достижения, что сейчас принадлежат ему по праву, пришлось бы отвоевывать у пришлых с оружием в руках.

Поэтому Блинчик и вернулся. Весь в гипсе, хромой, как Гефест. Гефест был бог, великий мастер – кузнец, храбрец, оружейник и воин. Блинов, конечно, на Гефеста не тянул, но в том, что человек Владимир Анатольевич был отважный, сомневаться не приходилось.

Заказ на него был оплачен и оплачен щедро, но не выполнен, а это влекло за собой ряд последствий, летальных, однозначно, либо для Блинова, либо для тех, кто взял деньги за его устранение. Включая и посредников. Третьего варианта не было. Поэтому проблема нуждалась в скором решении, так сказать, решении на опережение. Ни тянуть, ни прятать голову в песок в текущей ситуации нельзя. Под крылом у Раша достать Блинова представлялось сложным. Не то

чтобы полностью невозможно, но уж точно невероятно хлопотно, дорого и рискованно.

Но не собирался же Блинов всю жизнь сидеть баем у Рахметуллоева? Дело у них общее, конечно, и на Востоке гостей любят, но не настолько же! И рано или поздно Владимир Анатольевич должен был вернуться. Те, кто Блинова с нетерпением ждал дома, на чужбину за ним не сунулись, а набрались терпения, затаились и считали часы до долгожданной встречи».

По всему выходило, что Рашу и Блинову нужен доверенный человек, в их тусовке не засвеченный, но стопроцентно надежный и без комплексов. Такой, чтобы и прикрыл, если нужно, и сам отбился, если совсем уж припрут, и помозговать бы мог в промежутках между событиями. Раш в Сергееве такого человека увидел едва ли не раньше, чем Блинов. А, может быть, эта идея принадлежала Блинчику. Они стояли друг друга!

То, что сегодня его будут вербовать, это точно. Вербовать беззастенчиво и нетонко. Нет у них времени на разные там экивоки и ласковые подходы. Будут покупать за большие деньги. За любые деньги, потому что покойникам они без надобности – в гробу карманов не бывает.

Сергеев невесело усмехнулся, допил остывший кофе одним глотком и закурил сигарету. На экране лэптопа перемигивались баннеры.

Большие деньги означали для Сергеева большой риск, и хоть к риску было не привыкать, Михаил подумал не о деньгах, а о Вике и Маринке, которую Вика от него по-прежнему держала на расстоянии, и покачал головой.

– Еще кофе, Михаил Владимирович?

Из приоткрытых дверей на него призывно смотрела волоокая секретарша Нила – Неонила свет Ивановна. Для убедительности предложения в дверной проем была выставлена щедро декольтированная по случаю жары грудь. Корпус Неонилы был направлен в сторону Сергеева под таким углом, что через вырез платья просматривалось даже отсутствие нижнего белья. С наступлением лета Сергеев точно знал, что на самом деле его секретарь – брюнетка.

– Спасибо, Неонила Ивановна, – отозвался Михаил официальным тоном. – Еще чашечку и стаканчик холодной «боржоми».

– И все? – игриво спросила Нилочка, облизываясь, как кошка, только что сожравшая упитанную мышь.

– И все.

– И как вы, Михаил Владимирович, в такую жару столько воды пьете? – осведомилась Неонила Ивановна. – Я совсем не пью и то, – Нилочка повела плечами с цыганской грацией, отчего наклоненный бюст качнулся в декольте, словно стенобитная баба, – все время потею. А к вам в душ проситься неудобно...

Сергеев посмотрел на нее с укоризной.

И где только их теперь учат? Или это природный талант? Как там у Владимира Семеновича: «Там шпионки с крепким телом, ты их в дверь – они в окно! Говори, что с этим делом мы покончили давно!»

Это каким безголовым надо быть, чтобы клюнуть на столь грубую приманку? Она же ляжет на диване, а потом между двумя оргазмами с детской непосредственностью попросит не крутиться, чтобы не сбить фокус фотографу.

Мельчает народ, теряет школу. Михаил вспомнил Риту, читавшую им спецкурс. Стройную, подтянутую, высокую, похожую на гепарда и поворотом головы, и пружинистой, настороженной походкой, и даже тем, как она держала спину, когда вышагивала по аудитории.

Она была удивительно хороша, сексуально привлекательна, особенно для них, кадетов, лишенных женского общества. И одновременно, при всей своей вызывающей чувственности, холодна, словно снега Килиманджаро, и недоступна, как ее вершина. Шалевший от нее, словно кот от валерьянки, Кудрявый, уверовав в свою неотразимость, пробовал, было, подкатить, но...

Конец ознакомительного фрагмента.

Купити: https://tellnovel.com/valetov_yan/deti-kapischa

надано

Прочитайте цю книгу цілком, купивши повну легальну версію: [Купити](#)